РОМАН ТАРАСОВ

Возвращение

Роман Тарасов

Возвращение

«Издательские решения»

Тарасов Р.

Возвращение / Р. Тарасов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502195-3

С детства прикованный к инвалидной коляске, он мог утолить свою жажду действий только в виртуальном мире. Ему казалось, так будет всегда. А что, если судьба дает ему шанс быть здоровым, но для этого нужно оказаться в другой стране и в другом времени? Какое предназначение он должен выполнить там? И какова будет цена за то, чтобы он вновь встал на ноги? Остаться навсегда в другом времени или все же вернуться назад? А может быть, потерять близкого человека? Того, ради которого он готов отдать всё.

ISBN 978-5-00-502195-3

© Тарасов Р.
© Издательские решения

Возвращение

Роман Тарасов

© Роман Тарасов, 2019

ISBN 978-5-0050-2195-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приходящие к вам случайно, дверью не ошибаются.
Аневито Кем

– Братишка, ты опять уснул за столом? – бросив сумку на диван, Арвинд подошел к брату и легонько потрепал его по волосам.

– Что? А? – Рехан оторвался от стола и сонными глазами посмотрел на него. – Да, наверное. Никак не мог поставить правильно код, совсем замучился с ним и…

– Оставь в покое свои игры. Давай, ложись уже спать, а то поздно.

– Я хотел дождаться тебя, – сказал Рехан.

– Вот и дождался, а теперь быстро в кровать.

Потирая заспанные глаза, Рехан развернулся в своей инвалидной коляске и направился в ванную, но в дверях остановился:

– Там тебя ужин ждет. Ты поешь? Сегодня я сам приготовил.

– А где же была миссис Банерджи?

– Она позвонила и сказала, что ее дочка приболела. Но ты не волнуйся, у меня все в полном порядке.

Несмотря на слабые возражения брата, Рехан все-таки посидел с братом на кухне, пока тот ужинал, и затем они разошлись каждый по своим комнатам.

Лежа в темноте Арвинд смотрел в открытое окно на звезды. Легкий ночной ветерок слабо колыхал занавески, где-то лаяла собака, играло радио. Несмотря на то, что часть города оживала ночью, их дом находился в относительно спокойном районе, и можно было отдохнуть, не опасаясь утренних криков газетчиков, молочников и других рабочих. Но сон все равно не шел к нему. Мысли о младшем брате давно стали его постоянными спутниками и, когда он не думал о работе, он всегда думал о Рехане. Или родителях. Но о них в последнее время все меньше, так как все, что можно было сделать для них, было сделано, а для Рехана – еще нет. Их родители погибли шесть лет назад в автокатастрофе и Арвинд до сих пор помнил тот тревожный звонок, прозвучавший среди дня. Это был их дядя, и он странным, непохожим тогда на самого себя голосом сказал Арвинду срочно приехать в больницу. Едва успев получить права, Арвинд тогда примчался на недавно купленной машине в больницу так быстро, как только смог, но успел застать в живых только отца, а точнее, его последние минуты. Он так и не смог с ним попрощаться, отец умер, не приходя в сознание, а по данным полиции и судмедэксперта их мама погибла непосредственно во время самой аварии.

– А где мой брат? – едва шевеля губами спросил он тогда дядю.

Они сидели в ярко освещенном фойе отделения и то ли от этого света, то ли от случившегося, лицо дяди казалось невероятно постаревшим.

– Он в реанимации, и врачи пока не могут дать точного прогноза. Рехан вылетел через лобовое стекло и…, – тут дядя не выдержал и, уронив голову на руки, заплакал.

Не говоря ни слова, Арвинд спустился тогда на первый этаж больницы, где в одной из комнат был обустроен небольшой храм и остаток дня, вечера и часть ночи провел там, молясь, пока чья-то рука не легла на его плечо. По глазам дяди он не мог понять результат

действий врачей, да и не хотел. Они все устали, и требовалось только одно – слово. Или слова. Присев на корточки рядом с племянником, дядя погладил его по голове.

– Рехан жив, – сказал он, – но ходить он навряд ли сможет.

Следующие несколько дней Арвинд помнил, как в тумане. Похороны, какие-то бесконечные бумаги, люди из полиции, коллеги по работе. Поначалу он забросил учебу в университете, но дядя строго-настрого наказал ему продолжать обучение. В конце концов учебный год практически только начался, и это был его первый год, а потому пропускать занятия было равносильно отчислению. У дяди же оставался ровно месяц, который он выпросил у работодателя в связи с сложившимися обстоятельствами, а дальше ему предстояло вернуться в Штаты. За это время он постарался сделать по максимуму для своих племянников. Вопрос с жильем отпадал сразу, так как родители оставили ребятам достаточно обустроенную квартиру в многоквартирном доме. Аренду за жилье дядя брал на себя и заодно договорился со своим личным юристом о том, что он будет ежемесячно посылать племянникам определенную сумму денег. Вместе с Арвиндом они даже успели свозить шестилетнего Рехана в Штаты, чтобы его осмотрели тамошние врачи, но и они лишь развели руками. Слишком сильные повреждения позвоночника, ничего сделать нельзя, таков был вердикт.

Несмотря на то, что дядя предложил Арвинду переехать им в США, он не захотел. Да и Рехан был против. Первоначально, благодаря некоторым накоплениям родителей и материальной помощи дяди, Арвинд немного переустроил квартиру, купил самую лучшую инвалидную коляску, чтобы Рехану было легче передвигаться, нанял приходящую домработницу, и – продолжал учиться и подрабатывать. Сейчас уже обучение подходило к концу и ему удалось устроиться в одну из крупных юридических компаний. В этом плане он пошел по стопам отца. Арвинд успел зарекомендовать себя как серьезного, подающего надежды, сотрудника, а потому не избегал никаких, даже самых простых дел, за которые он порой мог получить только несколько десятков рупий. Он брался за любую работу: побыть ассистентом адвоката, нотариуса, дать несколько консультаций, даже приходилось искать должников или выполнить работу курьера. Со временем он мечтал открыть собственную адвокатскую контору, но пока это были недостижимые мечты. Но Арвинд не привык сдаваться. Практически сразу он, помимо домработницы, нанял и двух универсальных учителей, которые преподавали школьный курс обучения его брату. Это создавало достаточно большую брешь в их бюджете, особенно когда школьные учителя сменились учителями из университета, но Арвинд не останавливался. Раз в декаду он возил Рехана на сдачу экзаменов или тестов, и тот показывал прекрасные результаты. Правда, в отличие от брата, тот выбрал IT-технологии и в свободное от учебы время пытался создавать видеоигры. Первоначально Арвинд не мог понять столь странного выбора профессии его братом, ведь юрисдикция была чуть ли не их семейной традицией, но, после того, как дядя продал одну из игр в Штатах и выслал от компании чек на две тысячи долларов, перестал беспокоиться.

Если так можно сказать, Рехану частично повезло, ведь у него отнялась только нижняя часть тела, и по большей части он мог выполнять большинство бытовых задач, но все равно, периодически проезжая мимо какого-либо храма Арвинд обязательно заходил внутрь и продолжал молиться о полном выздоровлении своего братишки. Уволить же миссис Банерджи у него не поднималась рука, ведь эта женщина с первого дня катастрофы ухаживала за Реханом, а порой в минуты отчаянья успокаивала и самого Арвинда. Словом, она практически стала им второй мамой.

Перевернувшись на другой бок, Арвинд закрыл глаза и перед его мысленным взором вдруг предстала Анджали, девушка, которая работала с ним в одном офисе. Они нравились друг другу, между ними были приятельские отношения и полная взаимовыручка, но идти дальше Арвинд пока не осмеливался. Встать сначала крепко на ноги, вот была первоочередная задача и поставить на ноги брата, а потом уже можно подумать и о собственной семье.

С такими мыслями он провалился, наконец, в крепкий сон, чтобы наутро начать свою борьбу за жизнь сначала.

Наутро, проводив брата на работу, Рехан снова засел за компьютер. Код, который он прописал для своей последней игры, никак не хотел работать, и он в раздумчивости вот уже полчаса сидел и смотрел на экран. Внезапно его осенило. Он вспомнил про книги, сваленные давным-давно в шкафу. Это был еще подарок брата, но, с тех пор, как он проштудировал все учебники от корки до корки и чуть ли не выучил наизусть некоторые главы, он сложил их тогда в самый дальний конец шкафа. Сейчас требовалось обновить знания, Рехан чувствовал, что забыл что-то совсем незначительное, но что именно, никак не удавалось вспомнить. В конце концов, по ночам, когда вместо сна всякие мысли лезли в голову, он краем уха улавливал какие-то странные то ли шорохи, то ли стуки в самом шкафу и заодно не мешало проверить, не завелся ли там какой-нибудь серый сосед с хвостиком. И дело было вовсе не в антисанитарном содержании дома, сам дом был в идеальном состоянии, а вот соседка братьев постоянно держала у себя всякую живность и нередко разные зверушки непонятным образом проникали в их квартиру. Рехан догадывался, что они пробирались через вентиляционные шахты и почти каждую неделю-две они с братом возвращали соседке то ящерицу, то заблудившегося хомяка, то мангуста, который отличился больше всех тем, что слопал вареную курицу и овощи, словом, весь их ужин на тот день.

– Когда к нам свалится крокодил, – сказал как-то Арвинд, посмеиваясь, – тогда я точно пожалуюсь на нее.

– Может, она этого и ждет? – заметил Рехан. – Мне кажется, она не против с тобой познакомиться.

– Это точно не мой вариант, – ответил тогда Арвинд.

Усмехнувшись проскользнувшим мыслям, Рехан подкатил к широкому, почти во всю стену шкафу, и открыл левую дверцу. Ничего. Только тщательно отглаженные миссис Банерджи полотенца и постельное белье. Отъехав чуть в сторону, Рехан распахнул две створки шкафа. Слева на штанге висели сорочки и пиджаки, а справа находилось искомое. Свалка разнообразных коробок. И где-то там одна-единственная нужная книга. Придвинувшись как можно ближе к раскрытому шкафу, Рехан одну за другой начал вытаскивать коробки и складывать их на пол рядом. Когда стало уже не очень удобно наклоняться за ними, Рехан решил вообще слезть с кресла и сесть на полу. Но в этот момент, когда он поднимал не самую легкую коробку, кресло начало отъезжать назад. «Что за кирпичи здесь наложены», не успел подумать юноша, как сила тяжести перевесила, и он покатился кувырком вперед.

Некоторое время была темнота. Потом звуки нахлынули со всей их полнотой. Рехан предполагал, что в самом дальнем углу шкафа будет пыль, но не настолько же много. Она забивала глаза, рот, нос и мешала дышать. И эти звуки. Откуда они? Создавалось впечатление, что он находится не у себя дома, а на улице. Протерев глаза от пыли, Рехан попытался подняться и к своему непомерному изумлению действительно обнаружил себя на улице. Было уже темно, кое-где горели желтоватым светом фонари, но он все равно смог разглядеть несколько домов по обе стороны от себя. А еще был запах. Как будто он очутился в помойке. Упершись руками в мостовую, Рехан сел на колени и повернул ладони к себе. Руки пахли так отвратительно, что он не выдержал и, резко вскочив, в запале начал вытирать их о брюки. Но внезапно замер, ошеломлённый. Упершись руками в бедра, Рехан медленно нагнулся, и, невзирая больше ни на какие запахи, провел ладонями ниже по ногам. Он стоял! Юноша не мог поверить, но он действительно стоял. Он четко и твердо ощущал свои ступни на мостовой и, казалось, не было тех бесконечных десяти лет в коляске. Краем уха он уловил чьи-то крики, но продолжал игнорировать их, не прерывая ощупывать себя. Также он не слышал и шум, нарастающий позади него. Неожиданно кто-то резко схватил его за руку и дернул в сторону так, что он отлетел

к стене одного из домов. Такое потрясение вернуло ему возможность что-то соображать, и он увидел перед собой небольшого росточка девушку, которая воинственно смотрела на него.

– Ты что, разума лишился? – крикнула она. – Смотри, лошади чуть не затоптали тебя!

Проследив за ее взглядом Рехан увидел удаляющуюся повозку, сильно смахивающую на карету. Он потряс головой, словно пытаясь прогнать видение.

– Эй, ты в порядке, парень? – девушка попыталась заглянуть ему в глаза.

– Да.

– Где ты живешь? Может быть, ты болен? – продолжала настаивать она.

– Я… не знаю, где я живу, – пробормотал Рехан. – А где я?

Фыркнув, девушка еще раз пристально смерила его с ног до головы.

– Ты точно какой-то странный. Что ж, пойдем со мной. Может быть, тебе надо поесть, отдохнуть, тогда и вспомнишь, кто ты и откуда. Пошли! – она резко развернулась, нисколько не сомневаясь, что он последует за ней, и бодро пошла вдоль дома. Чуть поразмыслив, Рехан пошел за ней, не переставая смотреть себе под ноги: отчасти потому, что еще не верил, что может сам передвигать ноги, отчасти из-за того, что вся улица была тут и там завалена мусором или огромными лужами. Девушка же ловко перепрыгивала с камня на камень, периодически поддерживая подол платья. Больше она не оборачивалась.

Когда Рехан уже думал, что больше не выдержит такого квеста, как «попади на сухой островок», и все только ради того, чтобы пройти по улице, девушка остановилась перед серым трехэтажным строением и открыла массивную скрипучую дверь.

– Заходи! – любезно пригласила она и только пятки ее засверкали по деревянной лестнице, ведущей вверх.

Рехан опасливо бросил взгляд на это строение. Дом, казалось, вот-вот рухнет, только балки, какие-то деревянные перегородки, укрепленные крест-накрест, удерживали его. Но, выбрав между невыносимыми запахами с улицы, и с их возможным отсутствием в этом доме, он вошел внутрь. К счастью, здесь уличные запахи были слабее, и то потому, что их перебивал запах кож. Рехан вспомнил, как однажды с братом они были на ярмарке и попали в ряд кожевенных ремесленников. Каких только изделий там не было представлено! Всевозможные сумки, ремни, заколки, даже межкомнатные перегородки и одежда. Но все-таки там запах был приятнее, а здесь… здесь следовало привыкать. Основное амбре шло слева, туда же вел узкий коридор, и Рехан решил про себя никогда и ни за что не заходить в то помещение. Как бы то ни было, запах был тяжелым. Вздохнув, он начал подниматься по лестнице.

Наверху он обнаружил две комнаты, если так их можно было назвать. Две крохотные комнатенки, разделенные тонкой перегородкой и из всех убранств – узкая кровать и небольшой стол. На столе стояла лампа, масляный свет которой освещал помещение.

– Проходи, – пригласила его девушка, – и садись на вот этот стул. – Она указала на угол комнаты, где стоял массивного вида стул, наверное, единственный предмет, который здесь выглядел крепко и устойчиво.

– Ей-Богу, ты такой странный, только никак не могу понять, в чем. Весь, – говорила она, пока Рехан не торопясь и оглядывая комнату, приближался к стулу.

– Я могу ходить. Может быть, в этом странность?

– Все могут ходить, что в этом такого? Ты, кстати, что будешь есть? Могу предложить бульон из ягненка с потрохами, есть немного пирога или рагу.

– Я не голоден, – покачал головой Рехан.

– Да? А по мне, ты выглядишь изможденным и голодным. Ну что ж, – девушка присела на кровать, которая жалобно скрипнула и сложила руки в замок. – Давай тогда знакомиться. Меня зовут Клер. А как тебя?

– Рехан Мальхотра.

– Гм, Ре… как-как? Извини, я не запомню. Давай я лучше буду звать тебя Рене.

Рехан только пожал плечами. Он все еще находился в некотором шоке от происходящего и на данный момент ему было без разницы, как его будут называть.

– Ты вообще откуда там взялся? Я ждала свою подругу, только отвернулась, а тут раз – и ты, лежишь на дороге и рассматриваешь грязь. Ты из какого района? Города?

Рехан пристально посмотрел на нее.

– Я из Мумбаи, Индия.

– Из Индии??! Да как ты тут оказался?! – воскликнула девушка. – Если ты путешественник, то нашел очень неподходящее время. У нас тут революция в самом разгаре, знаешь ли.

– Какая революция? – практически одними губами спросил Рехан.

– Какая-какая, самая обычная. Людям надоело жить в полнейшей нищете, они борются за свои права. Я, кстати, тоже вхожу в одно из обществ, – гордо дополнила Клер. – «Общество республиканок».

Рехан поднял руку, чтобы прекратить поток ее слов.

– Подожди, давай по порядку. Можно я задам тебе несколько вопросов?

– Я слушаю тебя.

– Мои вопросы могут показаться тебе необычными, но… на каком языке я говорю с тобой?

Клер чуть склонила голову набок и впервые за все время улыбнулась.

– Ты, наверное, один из шутов короля и решил посмеяться надо мной? Поверь, сегодня я не настроена шутить, да и через пару часов мне надо быть на собрании. Хотя… Ты не похож на шута, да и одежда твоя странная. Ты вправду из Индии? Но и на путешественника ты не похож…, – она в задумчивости рассматривала его.

– Клер, ответь пожалуйста на мой вопрос.

– Дурацкий вопрос. Ты же понимаешь меня. А раз я говорю на французском и каталонском, ты знаешь эти языки. Моя мать, знаешь ли, говорила только на каталонском диалекте, поэтому я его знаю.

– То есть ты хочешь сказать, что я во Франции?

– А ты думал где? В древнем Риме?

– И какой сейчас год? – проигнорировав ее издевку, продолжил Рехан.

– 1793.

– О Боже, – застонал юноша и проговорил еще что-то.

– Что ты сказал? Я не расслышала.

– Я спросил самого себя, каким образом меня занесло сюда.

– Что значит «занесло»? – не поняла Клер.

– Не важно, – отмахнулся Рехан. Он уже более-менее начал приходить в себя от потрясения, и пытался сейчас своими вопросами нащупать более твердую почву, чтобы не сойти с ума. В уме он пытался переварить все, что произошло с ним за последние несколько минут, но мысли исчезали, не успев даже окончательно сформироваться. Каким образом он говорит с ней на французском и, тем более, на каталонском? Если про первый вариант он знал, то о втором лишь пару раз встречал в учебнике по истории и уж тем более никогда не изучал ни тот, ни другой.

Устав сидеть в одной позе, девушка отодвинулась чуть вглубь и, прислонившись спиной к перегородке, поджала колени под себя.

– Ты задумался о чем-то? Может, продолжим? – спросила она. – Ты забавный. Ты еще расскажешь что-то о себе, или хочешь узнать обо мне? – И, не дожидаясь, пока он ответит, продолжала, – мой отец ремесленник, он делает кожи и продает их. Вот и сейчас он ушел относить готовый заказ. Подмастерья у нас уже нет, отец выгнал его, поэтому он все теперь делает сам. Иногда я помогаю ему, хотя это тяжелая работа. Я, между прочим, и грамоту знаю, могу читать, писать.

– А твой отец не будет против, увидев меня здесь?

– Нет, конечно. Он целиком и полностью поддерживает наше общество, и я нередко привожу сюда тех, кто скрывается от гвардии короля.

Рехан снова замолчал на некоторое время. Девушка терпеливо ждала.

– Послушай, Клер, – наконец произнес он, – а твоя фамилия случайно не Лакомб?

– О, ты знаешь Розу Лакомб?! – воскликнула девушка.

– Знаю, – пробурчал Рехан, – из учебников…

– Из каких учебников? Нет, я не она. Мы просто тезки. Она красивая, – мечтательно произнесла Клер, – к тому же она была актрисой. А сейчас она с нами. В нашем обществе она секретарь и одна из его основателей.

– И что пропагандирует ваше общество? – спросил Рехан.

– Как что? Мы боремся за равноправие! Якобинцы решительно против нашего равноправия! Ты бы слышал слова Шометта, которые он с таким пафосом произносил в Парижской Коммуне! «С каких это пор считается приличным, чтобы женщина покидала священные заботы своего хозяйства, и является в общественные места, поднимается на ораторскую трибуну!» – продекламировала Клер. А почему мы должны молчать? Мы тоже умеем чувствовать, и думать, и выражать свои мысли и желания, до каких пор мы будем примиряться с действующим положением дел?

Рехан понял, что задел больную струну в мыслях девушки.

– А цены? – продолжала она. – Ты, наверное, даже не представляешь себе, насколько сейчас вольготно чувствуют себя спекулянты и скупщики! Мыло, крахмал, синька, цены такие непомерные, что прачки лишаются всех их заработков! Что им, идти выносить горшки теперь из-под аристократов?

– То есть недостатка в нужных вещах нет? – уточнил Рехан.

– Конечно, всего в изобилии, а вот цены!

– И кто еще входит в ваше общество? Или там одни женщины?

– Нет, что ты. Да, раньше действительно создавалось это общество только для женщин, но теперь туда приходят и мужья, и братья наших гражданок. Кстати, нас также поддерживает и общество «бешеных» во главе с Жаком Ру. К слову, может быть, ты расскажешь теперь что-нибудь о себе? Чем ты занимаешься? Одежда у тебя, я погляжу, очень даже приличная, только никак не пойму, что за материал.

Рехан покосился на свои джинсы и джинсовую рубашку.

– Это из джинсы, – ответил он. – А ты действительно хочешь узнать, чем я занимаюсь?

– Мне любопытно.

– Я, правда, пока еще учусь, но и подрабатываю. Создаю компьютерные игры.

– Рене, веришь, я ничего не понимаю из того, что ты говоришь. Такие непонятные слова. Ты ведь что-то говоришь по-английски? Я совсем чуть-чуть знаю этот язык.

Рехан кивнул.

– Так откуда ты? Я поняла, что из Индии, а когда ты прибыл сюда? Ты давно здесь живешь? Хотя… что-то я очень сомневаюсь в этом.

– Ты правильно сомневаешься. Я прибыл сюда за несколько секунд до того, как ты увидела меня и спасла от колес кареты. Появился здесь сам не знаю, как. Я искал в шкафу нужную мне книгу, и случайно перевернулся с инвалидной коляски. Наверное, потерял сознание, а когда очнулся, оказался прямо посреди улицы. Клер, я из 21 века, – добавил Рехан, очевидно, желая добить девушку.

Теперь на некоторое время замолчала она, только не отрывала своих глаз от глаз юноши.

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь? – наконец спросила она.

– Я верю в то, что говорю, а вот в то, что это происходит наяву, мне сложно поверить, – ответил он.

– То есть, благодаря какому-то там учебнику, который ты упомянул, ты знаешь Клер Лакомб? Я правильно поняла? И… тогда ты должен знать, что будет с нами дальше. Я права?

– Не совсем так. Да, я знаю Лакомб только потому, что на одном из уроков нам дали задание написать сочинение, а так как историю я любил, то написал небольшое эссе о Французской революции. Там упоминалось про ваше общество и про… Полину, если я не ошибаюсь. Или Паулина.

– Да, Полина Леон наша руководительница. Ну-у, Рене, или как там тебя, я даже не знаю, что сказать на все это. Я могу где-то в мыслях предположить, что ты говоришь правду, тогда как ты собираешься вернуться назад?

– Я бы тоже хотел знать ответ на этот вопрос.

– Что-то я проголодалась от нашей беседы, – заявила Клер, – давай, составь мне компанию, человек из будущего.

Не спрашивая больше, хочет он есть или нет, девушка удалилась и через некоторое время вернулась с двумя мисками супа.

Рехан осторожно взял теплую миску и понюхал. Пахло, в общем-то неплохо, но у него на самом деле не было аппетита.

– Не бойся, я тебя не отравлю, – уплетая суп, сказала Клер. – А что вы там едите, в двадцать первом веке, ты сказал?

– Много чего, – пожал плечами Рехан.

– Кстати, что за инвалидная коляска, о которой ты упоминал? И для чего она тебе нужна? Как по мне, ты не выглядишь инвалидом.

– В том времени, в том месте, откуда я прибыл, я не могу ходить, – сказал Рехан. – Из-за давнишней автокатастрофы.

– О Боже, каждое твое предложение содержит совершенно непонятные для меня слова! Стоит мне только спросить об одном, как ты добавляешь еще!

– Инвалидная коляска – это такое средство для передвижения. Как будто кресло, только по бокам колеса.

– А-а, что-то я об этом слышала, – Клер помахала в воздухе рукой, – у нас один изобретатель, наверное, создал то, о чем ты говоришь. Кресло и два больших колеса сбоку. Надо руками вращать рычаги, чтобы ехать. Но это очень дорогое удовольствие и вовсе не для инвалидов.

– Приводить в движение можно разными способами, – согласился Рехан, – мое, например, ездит благодаря пульту в подлокотнике. Это такая кнопка, – опережая вопрос Клер, добавил юноша, – и ее можно поворачивать в ту сторону, в какую хочешь направиться. А автокатастрофа, это столкновение… м-м, представь, скажем, двух карет, только едут они значительно быстрее. Раз в десять.

– Я… мне сложно все это представить. Либо ты великий фантазер, либо ты живешь в таком удивительном месте, который я даже не могу описать себе. А почему ты не ешь? Тебе не нравится?

– Я правда не голоден, Клер. Спасибо большое.

– Ты просто переживаешь, – заключила она. – Я бы, наверное, тоже переживала, окажись на твоем месте. Интересно, а что с тобой в это время происходит там? Ты там или не там?

– Сегодня у меня дебют, и я не знаю, чем он закончится. В первый раз, – поправил себя Рехан.

– Ты говоришь, что всего лишь перевернулся с коляски, и попал сюда. Но многие люди падают и при этом не отправляются путешествовать во времени. Что же послужило причиной твоего… перемещения? Ну-ка, Рене, сядь на пол и попробуй сделать кувырок. Может быть, тебе удастся вернуться?

Рехан с сомнением посмотрел на пол. Заметив его взгляд, девушка переместила лампу ближе.

– Я здесь постоянно подметаю, так что чисто. Мне хватает грязи и на улицах. Давай, попробуй.

Кивнув, Рехан опустился на пол. Секунду-другую поразмыслив, он сделал кувырок и неуклюже приземлился, ударившись немного о стол.

– О, как ты разбежался.

– Места у тебя маловато. Но, как видишь, я здесь и ничего не произошло, – Рехан остался сидеть на полу, скрестив ноги, глядя на нее снизу-вверх.

– Что ж, тогда, пожалуй, тебе придется привыкать жить здесь.

– Это неправильно, – возразил он.

– Хотя, мне кажется, с другой стороны, ты же не просто так сюда попал? Может быть, у тебя есть какая-то цель?

– Не было у меня цели: ни путешествовать во времени, ни что-либо делать здесь, – обхватив колени и раскачиваясь, заявил Рехан. Он развернулся и сделал еще один кувырок. Уткнулся ногами в стену. – Я быстрее твой дом разворочу, чем добьюсь результата, – потянувшись за миской, он передал ее Клер.

– Нет, дом у нас крепкий.

– А что у вас на третьем этаже? – спросил Рехан, ради разнообразия приноравливаясь, чтобы перевернуться назад.

– Чердак, – ответила девушка, – для всякого барахла, – но остаток ее фразы он уже не услышал, кувыркаясь назад, он вдруг почувствовал, что проваливается в темноту и спустя несколько секунд обнаружил себя лежащем на полу в своей комнате. Сбоку валялась на боку инвалидная коляска. Опершись руками о пол, Рехан приподнялся.

– Вот черт, – сказал он, пытаясь перевернуться, но, как и ожидалось, не смог даже подтянуть ноги, чтобы принять более удобное положение. – Почему? Почему? Почему? – с силой ударяя по ним руками, воскликнул он. – Почему вы не хотите меня слушаться?!

Кое-как добравшись до коляски, он залез в нее и, дав себе морально расслабиться, не удержался и всплакнул.

– Боже, зачем ты мне дал эту краткую возможность ходить, а теперь снова отнял ее у меня? Что я успел сделать не так, что ты испытываешь меня на прочность?

Успокоившись, Рехан достал нужную книгу из шкафа, но желание дальше заниматься видеоигрой пропало. Ополоснув руки и лицо в ванной, он решил выйти погулять на улицу. Рядом с домом был небольшой парк, где он любил посидеть в тени баньяна, почитать какую-нибудь книгу или просто послушать пение птиц.

В парке он провел больше времени чем думал, и ушел только тогда, когда начало смеркаться. Дома его ждал ужин и короткая записка от миссис Банерджи. Решив скоротать время до прихода брата, Рехан перебрался на диван и, включив наушники, стал слушать музыку.

На этот раз Арвинд не заставил себя ждать и вернулся с работы около девяти часов. Он практически сразу заметил необычный настрой брата.

– У тебя что-то произошло? – поинтересовался Арвинд.

– Да нет, с чего ты взял. Все, как обычно.

– Но я же вижу по тебе, что что-то случилось? Не получается игра? Или дело не в этом? Ну, Рехан, скажи мне, поделись. Ты же всегда обо всем рассказывал мне.

Рехан на самом деле привык во всем делиться с братом, не было у него секретов от Арвинда. Ведь это старший брат, он заменил ему и мать, и отца, и всегда поможет, когда ему что-то не удается, или когда он не может что-то понять. Арвинд всегда приходил на помощь брату, выслушивал его, в чем-то помогал, в чем-то советовал. Иногда бывало и ругал, но все равно любя. Однажды Рехан даже признался брату, что, эксперимента ради, он стащил шоколадку в одном из супермаркетов. Просто, чтобы узнать, получится ли. Арвинд не стал ругать брата, а тем более бить за этот проступок.

– А представь, братишка, что будет, если каждому, скажем, второму, захочется украсть шоколадку или нечто аналогичное? – сказал он тогда. – Ведь людям, которые там работают, придется возмещать нанесенный магазину ущерб. Пусть он небольшой, но и я ведь, бывало, работаю за какие-то десять рупий. Им будет обидно платить за других.

Рехан понял брата. А еще раньше, стащив эту самую шоколадку, он понял это на каком-то интуитивном уровне, и потому не стал ее есть, а отдал первой попавшейся девочке-бродяжке.

– Я всегда сумею заработать себе на сладкое, – подумал он тогда, – а воровство все-таки не для меня. – У него даже создалось впечатление, что в руках осталась какая-то грязь, которую не смоешь никакими средствами.

– Да, «что-то» случилось, – признался он, наконец, брату, – но я не знаю, как это все описать.

– Начни с любого момента, – сказал Арвинд, поставив локти на стол и опершись подбородком о пальцы рук. Они сидели в маленькой, но уютно обставленной кухне и теплый, желтоватый свет лампы словно окутывал их, создавая располагающую к разговору атмосферу.

– Сегодня мне понадобилась книга из шкафа, и я полез ее доставать, – начал Рехан, – но в какой-то момент я не смог удержаться и кувыркнулся в шкаф. А дальше… дальше… Нет, ты будешь смеяться надо мной.

– Я хоть раз посмеялся над тобой? – серьезно спросил Арвинд. – Давай, колись, не надул же ты от страха, увидев мышь в шкафу.

– Нет, – фыркнул Рехан, – я на какой-то миг потерял сознание, по-крайней мере я так подумал, а когда открыл глаза, то обнаружил себя на мостовой во Франции. Я не успел опомниться, как девушка, стоявшая неподалеку, смогла спасти меня от колес кареты, проезжавшей мимо. Она пригласила меня к себе, думала, что я голоден. Нам удалось немного пообщаться, после чего я вернулся обратно. И, брат, я там Ходил! Веришь? Я мог там ходить!

– И в какое время ты попал? Сомневаюсь, что кареты ездят в современной Франции. Если только в качестве аттракциона.

– По словам девушки, это был 1793 год.

– То есть в восемнадцатый век, – задумчиво почесав в затылке, сказал Арвинд. – А ты уверен, Рехан, что это не был сон? Может быть, ты смог так упасть, что действительно вырубился, и тебе показалось, что на миг, а на самом деле прошло чуть больше, и за это время ты смог увидеть некий сон.

– Все возможно, – уклончиво ответил Рехан, – только затрудняюсь в таком случае ответить, как мои руки еще долгое время пахли конским навозом и грязью с мостовой. Мне понадобилось время, чтобы отмыть их. К нам многие зверушки забегали от соседки, ты знаешь, только коня в нашей квартире и, тем более, в шкафу, я до этого не встречал.

– И как же тебе удалось вернуться назад?

– Клер… так звали девушку, которую я встретил, – добавил Рехан, – предложила мне сделать кувырок, то есть то, из-за чего я оказался в том времени. Но у меня ничего не получилось. А потом я решил перекувыркнуться назад и… оказался снова дома.

– Если бы все было так легко, – чуть усмехнувшись, сказал Арвинд.

– Так что ты думаешь обо всем этом?

– Мне сложно сказать сразу. Да, сначала я на самом деле подумал, что это могло быть сном, но то, что твои руки, как ты говоришь, пахли. Это заставляет задуматься. И любопытно, почему же Франция? Твоя игра случайно не проходит в том времени?

– Нет! С чего бы. Я и Франция – это два совершенно противоположных значения. Я вполне считаю себя современным парнем и…

– …историей ты не увлекаешься, – закончил за него Арвинд. – Как ты думаешь, такое может повториться? Может статься, у тебя есть какая-нибудь цель там, запланированная свыше?

– Я не уверен в этом, – ответил Рехан. – Что за цель? Новое переписывание истории? Короче, загадка.

– Интересно, а что в это время происходило с тобой здесь.

– Если бы ты был рядом, увидел.

– Ты планируешь еще раз попробовать?

– Если честно, то не имею желания. Кто знает, в каком времени и месте я смогу очутиться второй раз. Нет, ты знаешь, мне достаточно хорошо и тут.

– Что ж, время покажет, – вздохнул Арвинд, – мне бы тоже не хотелось потерять тебя. Кстати, на следующей неделе у меня будет краткосрочный отпуск, дней на пять. Я хотел немного передохнуть, заодно и буду рядом с тобой.

– Здорово! – Рехан объехал край стола и обнял брата, прижавшись к его плечу.

Ночью, лежа в кровати, он размышлял над произошедшими событиями и своими словами. Получалось, что он лукавил самому себе. Ему хотелось бы снова вернуться туда, ведь такой шанс выпадает раз в жизни, и что теперь, снова пытаться кувыркаться? Как найти ту причину, по которой он переместился во времени? Рехан сомневался, что поводом к перемещению послужил кувырок, было что-то другое. Всю последующую неделю он размышлял над этим, но ничего путевого в голову так и не приходило. А с другой стороны, Рехан вновь вплотную приступил к занятиям, и предпочел на время выкинуть эти мысли из головы. Но самым трудным было заставить себя до конца избавиться от них. Каждую свободную минуту мысль о перемещении как назойливая муха возвращалась снова и снова. Рехан уже думал поделиться по скайпу с двумя своими приятелями, но вовремя решил остановиться. Если Арвинд знал своего брата с детства и вполне доверял ему, то друзья Рехана к таковым не относились. Кто знает, как бы они отреагировали?

В пятницу, как Арвинд и обещал, он взял пятидневный отпуск и в тот же день они отправились в ближайшее кафе отпраздновать это маленькое событие. Сев за столик на открытом воздухе, они заказали себе кофе и несколько пирожных. Это кафе нравилось Рехану, но посещали они его не так часто, а когда хотели отметить какое-либо событие. Напитки и еда здесь были достаточно дорогостоящими, но сама атмосфера, обслуживание и меню восхитительными. Каждый столик стоял поодаль другого, и был отделен по трем сторонам ажурной решеткой, украшенной живыми цветами. На круглом столе с мраморной столешницей всегда стояла лампа, которая вечерами создавала между сидящими приятную, почти домашнюю обстановку. Тихая, непритязательная музыка играла из скрытых динамиков.

– М-м, какой вкусный кофе, – сказал Рехан, пригубив из чашки. – Как я соскучился по нему.

– Да, – согласился Арвинд. – Ну что, тебе так в голову ничего не приходило за эту неделю? Я специально тебя ни о чем не спрашивал, но я же вижу, что тебя это мучает.

– Нет, ничего путного не приходит, – помотал головой Рехан.

– Не сомневаюсь, что ты не раз пытался в отсутствие меня или миссис Банерджи вновь перевернуться с коляски, но у тебя ничего не выходило. Я прав? Значит, дело не в кувырке. Может, тебе нужно находиться на грани сознания? Ну, предположим, ближе к обморочному.

– Ты хочешь напугать меня до смерти? – рассмеялся Рехан.

– Нет, конечно, но…

– О, я придумал. Есть два пути. Первый – ты везешь меня на крышу нашего 20-этажного дома и если на крыше я уже не стану сходить с ума от высоты открывшегося вида, то тогда применяем второй метод.

– Ты уже сходишь с ума, – улыбнулся Арвинд. – Вторым методом ты предлагаешь столкнуть тебя с крыши?

– Ага, и как по Кастанеде, я должен буду освободить свой разум и… перелететь в другое измерение.

– Ну это ты загнул, братец, – покачал головой Арвинд. – А, кстати, ты сказал верно. А что, если твое перемещение происходит именно в минуты твоего внутреннего безмолвия? Проще говоря, когда ты ни о чем не думаешь? И еще, если тебе вдруг снова удастся переместиться, в какое время ты там окажешься? И там ли?

– Я сейчас, если честно, ничего не хочу об этом говорить. Я и так уже всю голову сломал. Нет, так нет. О, посмотри, к твоим ногам прибился какой-то котенок.

Арвинд нагнулся и попытался погладить котенка, но тот уже прошмыгнул к ногам Рехана. Тот тоже, в свою очередь, наклонился и успел погладить шерстку котика, как вновь почувствовал головокружение и словно бы отстраненность от этого места. В следующую же секунду Рехан приземлился на полу в комнате Клер.

– Вот черт, – в сердцах сказал он. То, что он очутился именно на том месте, откуда в последний раз отбыл, его, с одной стороны, порадовало. Порадовало и то, что он снова чувствовал свои ноги, а вот мысль о недопитом, вкусном кофе, портила все впечатление.

Стояла почти кромешная тьма, но все же он смог понять, где он. Встав, Рехан на ощупь двинулся к дверному проему, но не рассчитал и задел кувшин на столе. Тот разбился, создав в пустой комнате невообразимый шум. В испуге Рехан зажал рот рукой и тут же услышал шум деревянных башмаков по лестнице. Спустя несколько секунд дверь открылась и на пороге, освещаемый светом масляной лампы, появился средних лет мужчина с заросшей бородой. Некоторое время он молчаливо осматривал незнакомца, а потом низким, суровым голосом спросил:

– Ты кто такой? Что ты здесь делаешь?

– Я друг Клер, – ответил Рехан. – Она… она оставила меня здесь, а сама ушла на… собрание.

– Куда? А, в свое общество. Но почему она не представила тебя мне?

– Вы… вы уходили, – не зная, что еще сказать, добавил юноша, – отдавать заказ.

– Хм, но это было почти неделю назад, – почти прорычал мужчина. Он поднял лампу повыше и подошел поближе к Рехану.

– На вора ты не похож, – констатировал он, осматривая его с ног до головы. – Что ж, пойдем со мной, поговорим. А когда придет Клер, я спрошу ее о тебе.

Рехану пришлось спуститься на первый этаж и зайти в ту комнату, в которую он дал себе зарок никогда не заходить. Помещение, в котором жил и работал отец Клер, было достаточно просторным. По две стороны стены стояли длинные широкие столы, какие-то непонятные приборы, инструменты на них, по другую сторону наспех сбитый стеллаж с большими бутылями. Тут же находилось два табурета, на один из которых и присел Рехан.

– Как твое имя? – зажигая еще одну лампу, спросил мужчина.

– Ре… не.

– Откуда ты, Рене? Что-то ты не похож на наших.

– Я.., – только начал Рехан, как послышался скрип двери и вскоре в комнату влетела запыхавшаяся Клер. Увидев юношу, она остановилась как вкопанная.

– Дочка, ты знаешь этого парня? – первым нарушил молчание ее отец.

– Да, папа, конечно! Это Рене! – подбежав, она схватила его за руку. – Рене, ты не против сходить в кафе? Я ужасно проголодалась! А вы уже познакомились?

– Я…, – начал Рехан.

– Нет, – отрезал отец.

– Папа, давай ты с ним попозже познакомишься, хорошо? Я хотела показать ему город.

– Было бы что показывать, – пробурчал мужчина и повернулся к столам, взяв из-под одного из них длинный отрез шкуры.

– Пойдем, – прошептала Клер на ухо Рехану и потащила его на улицу.

Не успели они выйти, как она прижала его к стене дома.

– Слушай, так ты и вправду оттуда?! Когда ты перевернулся и вдруг стал исчезать, буквально таять на моих глазах, я тебе поверила!

– Я не привык врать, – ответил Рехан. – А я вправду таял?

– Ага, становился прямо-таки прозрачным, а потом и это рассеивалось. А что ты чувствовал?

– Клер, так мы идем, или ты и дальше будешь меня допрашивать? Кстати, у тебя всегда такой отменный аппетит, или я появляюсь именно в часы твоих трапез?

– Скорее второе, – сказала она, отстранившись и смерив его с ног до головы. – Сегодня ты одет в другое. Думаю, сойдет. А что это у тебя на ногах, ботинки?

– Это легкие кроссовки. Ой, – спохватился Рехан.

– Да? Такие интересные, – Клер присела и чуть погладила пальцами светлую ткань кроссовок. – Но в этом тебе нельзя идти, – она резко выпрямилась, – ты не сможешь объяснить людям, откуда они у тебя. Поэтому давай их сюда, я сейчас принесу тебе из дома другие, деревянные.

– Но…, – попытался возражать Рехан, но Клер была настойчивей.

Сбегав в дом, она принесла ему пару деревянных, тяжелых башмаков, а затем отнесла его обувь в свою комнату, спрятав в углу.

– Тебе впору? – спросила она, смотря, как юноша пытается сделать несколько шагов.

– Впору-то впору, только непривычно очень.

– Да, твои-то очень мягкие и легкие. Очень! Ну, пойдем!

На этот раз, несмотря на то, что перемещение Рехана произошло поздним вечером в Индии, в Париж он попал, судя по положению солнца на небе, где-то далеко за полдень. Но погода стояла здесь в основном облачная, и солнце, едва выглянув из-под облаков, же пропадало.

– А в какое кафе ты хочешь пригласить меня? – спросил Рехан.

– О, тебе понравится! Его основал еще итальянец Франческо Ди Кольтелли. Замечательное кафе! Такое вкусное мороженое там, холодные сорбеты из ягод, и даже кофе! У вас там есть кофе?

– Да, конечно, – ответил Рехан, зажимая нос руками, когда они проходили по очередной тесной улочке, где грязь смешивалась с кровью и текла ручьем из мясных рядов, расположенных рядом.

– Да уж, пахнет здесь отвратительно, – кивнула Клер, видя, что он зажал нос.

Вскоре улица стала шире и появились новые запахи. Повсюду валялись гнилые овощи, фрукты, пахло кислым молоком, сыром и Бог знает еще чем.

– Осторожнее! – крикнула Клер, и снова прижала Рехана к стене одного из домов, когда из переулка на них буквально вылетела карета, разбрызгивая во все стороны грязь. Юноша едва успел прикрыть лицо и отвернуться к стене, чтобы не быть полностью облитым.

Свернув за проулок, Рехан отнял руки от лица и вдохнул полной грудью.

– Что это? – в изумлении спросил он.

– А, парфюмерная лавка, – ответила Клер, – давай, не отставай!

Но Рехан остался стоять, не в силах сдвинуться с места. Заметив это, девушка сбавила шаг и вернулась к нему.

– Как это все может существовать одновременно?! – восхитился юноша. – Такие необыкновенные, потрясающие ароматы! – Он приблизился к лавочке, откуда шел этот запах. – Это женские духи? – уточнил он.

– Да, приятные ароматы, – согласилась Клер. – Здесь продают, кстати, не только духи, но и помаду, крема, пудру. И причем здесь женские или не женские? У вас что, есть деление на женские, мужские, м-м, детские?..

– Конечно, есть.

– Хм, по-крайней мере у нас такого деления нет. А что, это мысль, а то порой какой-нибудь чиновник пахнет как роза после дождя, хотя сам скорее похож на борова. А ты, Рене, если как-нибудь захочешь сделать для меня подарок, я возражать не буду, – мечтательно добавила девушка. – Впрочем, ты же прибываешь сюда без денег? Ладно, я обойдусь, – она снова схватила его за руку и потащила прочь от этого места.

В следующей улочке они шли буквально друг за другом, так как расстояние между домами едва превышало метр, но вскоре снова вышли на относительно широкую дорогу.

– А почему у того дома накидана солома? – поинтересовался Рехан, кивнув в сторону.

– Это значит, что там больной. Состоятельный человек там живет. Солому кладут, чтобы он смог хорошо выспаться, и его не будил шум колес от карет.

– А-а. Клер, а это кафе дорогое, в которое мы идем? Мне как-то не по себе, что тебе придется платить за меня.

– Нет, не дорогое. А по поводу денег не беспокойся. Если ты задержишься здесь и поможешь моему отцу, мы будем квиты. Ты ведь не собираешься выделывать какие-нибудь па, чтобы снова вернуться в свое будущее?

– Думаю, что пока действительно задержусь здесь, – улыбнулся Рехан.

– А у вас там тоже есть кафе?

– Да, конечно, люди после работы могут зайти и выпить чашечку кофе, съесть несколько пирожных или закусок.

– О, ручаюсь, ты нигде больше не поешь тех сладостей, что сделаны по рецепту Франческо! У него ведь даже есть королевские патенты на его сладости!

«Да уж точно нигде не попробую», подумал про себя Рехан.

– У нас можно просидеть в кафе хоть весь день или всю ночь, – продолжала Клер, бодро вышагивая по мостовой.

– А что там делать? – не понял юноша.

– Как что? Попил кофе, шоколад, поиграл в шашки, шахматы, некоторые даже заседания устраивают на всякие политические темы. У нас, кстати, есть и дорогие кафе или рестораны, там еще присутствуют азартные игры. Но это закрытые кафе и нас туда не то что не пустят, а даже близко не подпустят.

– Гм, как ни странно, у нас есть такие же заведения, – сказал Рехан, снова бросаясь к ближайшей стене дома. Он уже привык издали либо видеть, либо слышать шум приближающейся кареты и спешил убраться с ее дороги. На этот раз вместе с Клер и еще двумя прохожими они простояли больше минуты, ожидая, когда закончится бесконечная вереница этих экипажей, мчавшихся с дикой скоростью.

– А что за иностранцы здесь бывают? – спросил Рехан, когда они возобновили свой путь.

– О, разные. Итальянцы, немцы, русские, ну и, конечно, англичане. Много кто. У нас даже был писатель Карамзин, молодой такой юноша. Мне случайно повезло оказаться в том же кафе, что и он, он был таким любезным, угостил меня всякими сладостями. Но в основном приезжают по политическим делам, сейчас сам знаешь время какое.

– Меня знаешь, что удивило, Клер, когда я попал к тебе в дом? То обилие еды, которое ты мне предложила. Насколько я знаю, у вас ведь туго с продовольствием?

– Мне кажется, я говорила тебе тогда, что отец сдавал хороший заказ, поэтому и были и деньги, и еда, а я не привыкла жадничать. К тому же некоторые заказчики рассчитываются с моим отцом едой или вещами. Стул, на котором ты сидел в моей комнате, между прочим, сделан из красного дерева, и это было в оплату за заказ. Вот, кстати, мы и пришли. – Клер

указала на приятный глазу дом немного в стороне от других строений. Чуть дальше от кофейни лежал пустырь.

– А что это за здание напротив? – спросил Рехан. Он остановился, рассматривая огромное здание с многочисленными колоннами и окнами.

– Это театр Комеди Франсез. Создан по приказу Людовика Четырнадцатого, Короля-Солнца. Чтобы почтить память Мольера, – добавила Клер. – Так что, Рене, ты находишься в самом центре Парижа.

– И ты хочешь сказать, что здесь дешевое заведение? – прошептал Рехан.

– Честно? – улыбнулась девушка. – Сегодня меня пригласила Роза. Лакомб. Которую ты знаешь по… как их там… учебникам. Вот и познакомитесь лично. Ты не суди меня строго, я рассказала ей о тебе, и она очень заинтересовалась. Ты ведь не обижаешься на меня? – Клер попыталась заглянуть в его глаза, но Рехан смотрел на здание, то, что он мог видеть только на картинках. Сегодня история становилась явью, и он ни при каких обстоятельствах даже не думал о возвращении назад, стараясь всеми фибрами души впитать в себя все очарование и ужасы Парижа.

– Ну что, пойдем? – кивнула Клер.

За стеклянной витриной кафе на изящных стойках расположились сладости в красивых упаковках или широких вазах. С навеса кафе свисали различные растения и цветы, переплетаясь в причудливые узоры.

Войдя внутрь, Клер быстро нашла свою подругу по обществу, и они присоединились к ней за один из столиков возле окна.

– Я рад знакомству с вами, – не зная, как приветствовать даму, Рехан протянул руку.

– И я рада, – ответила Роза, протягивая ему руку в ответ. Вспоминая разные фильмы, Рехан не нашел ничего лучшего, как поцеловать кончики ее пальцев, но, правильно он поступил или нет, Роза так и не дала ему понять. Лишь мельком улыбнувшись, она пригласила снующего среди гостей официанта.

– Что вы будете пить? Есть? – спросила Роза, скользнув взглядом по Клер и задержавшись на Рехане. Также, как и ее подруга, Лакомб оглядела его с ног до головы, словно оценивая.

Клер быстро сделала заказ и теперь они вместе смотрели на парня, ожидая его выбора.

– Я… не знаю, – растерялся Рехан. – Наверное, просто чашечку кофе. Я не знаю, что здесь есть.

– О, здесь много что есть, – ответила Роза. – Но за знакомство лучше, наверное, начать с вина. Данное заведение предлагает около тридцати видов вин, ликеров. Или ты предпочитаешь пунш, глинтвейн?

– Гм, на ваш выбор. Я целиком и полностью полагаюсь на ваш выбор.

– Хорошо, – согласилась Роза и, пока она диктовала заказ официанту, Рехан чуть искоса рассматривал ее. Действительно, с ее прелестной фигуркой и изящными движениями она могла быть актрисой. Смуглое лицо, черные волнистые волосы, которые выбивались из-под белоснежного чепчика, обрамленного шелковыми лентами, такие же черные густые ресницы и глаза. Рехан отметил также красиво очерченный, правильный нос, и изогнутые в чуть насмешливой улыбке чувственные губы.

Сделав заказ, Роза извинилась, сославшись на то, что ей надо обсудить с Клер одну проблему и, повернувшись друг к другу, они стали горячо что-то обсуждать. Вернее, с жаром и периодически махая руками обсуждала Клер, Лакомб же, по краткому наблюдению Рехана, вела себя более сдержанно. Рехан же нашел себе занятие в том, что стал с удовольствием разглядывать как само помещение, так и гостей в нем. Действительно, как и говорила Клер, его так называемый гид по Парижу, люди, заказав себе поесть или выпить, в большей своей части держались кучками, дискутируя или играя в шахматы или шашки. Само помещение кофейни выглядело шикарным. Как позднее узнал Рехан, хозяин стремился создать интерьер, который

не уступал бы по пышности Версальскому дворцу. Задрапированные тканью стены, множество зеркал, чтобы увеличить визуально пространство, хрустальные люстры и канделябры.

Скоро им принесли заказ и Роза, закончив обсуждение с Клер, переключилась на Рехана.

– Как вам еда? Напитки? – спустя некоторое время осведомилась она.

– Бесподобно! – воскликнул юноша, уплетая за обе щеки мороженое из маленькой тарелочки, отдаленно похожей на креманку.

– Давайте выпьем за нашу встречу! – Роза подняла бокал, предлагая ему сделать то же.

Сделав маленький глоток, Рехан поразился, насколько глубоким и бархатным был вкус вина. Первым желанием было моментально допить все, что в бокале, но он заставил себя сдержаться и решил смаковать все по отдельности.

– Мне очень нравится здесь, – признался юноша, – тем более в обществе таких прекрасных дам.

– Ты очень любезен, Рене, – улыбнулась Роза.

– А что за люди здесь? – Рехан обвел руками пространство. – Ремесленники, аристократы?

– О, – засмеялась девушка, – ремесленников здесь бывает крайне мало. В основном врачи, писатели, художники, разные политические деятели.

– Да, и еще это кафе славится дуэлянтами! – вставила свое слово Клер.

– Дуэлянтами? – поразился Рехан. – Серьезно?

– Абсолютно, – подтвердила Роза. – Ты видел пустырь неподалеку? Вот там это все и происходит. Дуэль и – чашечка кофе! Что может быть прекраснее после этого события? Вновь наслаждение жизнью!

Рехан лишь покачал головой. В который раз он поражался контрастности их миров. Да, блеск, богатство и нищета также присутствовали и в Мумбаи, да и во всей Индии, но здесь это слишком бросалось в глаза, слишком ярким был контраст и порой все это сменялось чуть ли не с каждым шагом пройденного им пути. Запахи гниющих фруктов внезапно сменялись не менее свежей селедкой, а через пару шагов благоухало восхитительными прованскими травами, а затем снова таким смрадом, что становилось просто нечем дышать.

– Роза, и много заведений подобного типа в Париже?

– Достаточно, – уклончиво ответила она. – Но они все отличаются друг от друга, ведь присутствует монополия.

– Монополия? – не совсем понял Рехан.

– Да. Существуют гильдии, которые имеют монополию на производство определенного продукта. Например, одна гильдия готовит только товары из птицы, пироги, другая – только сладости, следующая – соусы. Их великое множество, всех не перечислишь. Навскидку – больше шестидесяти.

– Вот это да! – поразился Рехан.

– Но, тем не менее, выбор есть всегда. В меню неизменно присутствует порядка двадцати блюд из говядины, двадцати из баранины, телятины, столько же из птицы, около тридцати блюд из рыбы, закусок, десертов. В уважающем себя ресторане ты найдешь и икру, и испанские окорока, и копченых угрей. Словом, всего, что только душа пожелает. В этом кафе ты даже можешь попросить официанта принести тебе чернила и перья, а за отдельную плату бумагу и свечи.

– Я не могу поверить, – покачал головой Рехан. – И это все может быть только в одном ресторане? Я имею в виду то количество блюд, что ты назвала?

– А что здесь странного? – не поняла Роза.

– У себя дома я только пару раз бывал в ресторанах, обычно на какие-то торжественные события, но меню даже самых престижных наших ресторанов содержит максимум по два-три пункта чего-либо мясного или рыбного, еще пунктов пять десертов и столько же напитков.

– О, как вы грустно там живете, – улыбнулась девушка.

– Вовсе нет, – возразил Рехан. – У нас есть масса развлечений, которые вам даже и не снились.

– Не буду с тобой спорить, – ответила Роза. – Мой друг Жан-Теофил тоже рассказывал мне много занимательных историй. Он ведь молодой журналист и уже успел побывать на Мартинике и в Гваделупе, и его истории порой похожи просто на сказки. Волшебные и страшные.

– Почему страшные?

– На Мартинике он руководил восстанием рабов, описывал мне их тягостную жизнь в колониях. Мне было страшно все это слушать, но он умеет так занимательно рассказывать.

– А что вы, Роза? Я слышал, вы были актрисой.

– Да, верно, трагической актрисой. Я выступала в разных местах, в театрах Марселя, Лиона, в трактирах. Играла в основном по произведениям Расина и Корнеля. Я ушла, потому что устала кочевать из города в город, да и публика была неблагодарная. Представь, начинаешь ты играть какую-то роль, а тебе уже невыносимо жарко от пылающих каминов. Низкие потолки, это я о трактирах, такое ощущение, что вот-вот упадут на голову, и дикое поведение посетителей. Казалось, им нет дела до происходящего прямо перед ними! Рыгают, сморкаются, храпят, отвратительно!

– Тяжело выступать в таких условиях, – кивнул Рехан.

– Думаешь, выступать у аристократов проще? Ну, в чем-то проще, только почему-то они очень часто путают актрису с продажной девкой. Этим пресыщенным господам всегда всего мало. Но, ты за меня не переживай. Я прошла хорошую школу, и теперь я здесь, – констатировала она.

За окном постепенно сгущались сумерки, зажигались фонари, но сидевшие вовсе не стремились покинуть кафе. Роза и Клер снова занялись обсуждением своих дел, а Рехан по третьему разу наслаждался очередным мороженым и кофе. Неожиданно к их столику подошел среднего роста молодой человек в парике. Первое, что бросалось в глаза, отметил Рехан, это его широкий лоб, такие же широкие надбровные дуги и большие серые глаза, которые оценивающе осматривали все вокруг.

– Клара, я так и знал, что найду тебя здесь! – воскликнул он, легонько прикасаясь губами к ее левой щеке, а затем к правой. Клер он поприветствовал кивком, Рехану же подал руку и некрепко пожал ее.

– Будем знакомы, мсье, – произнес он. – Жан-Теофил Леклерк.

– Рене.

Представившись, Жан взял свободный стул и присел между Розой и Реханом. Быстро сделав себе заказ, он достал из кармана пиджака круглую, позолоченную шкатулку, украшенную несколькими драгоценными камнями и росписью. Открыв ее, он протянул содержимое Рехану.

– Что это? – Он непонимающе перевел взгляд на Клер.

– Это нюхательный табак, – пояснила Роза. – Мсье Жан хочет дать понять, что в кои-то веки он в благодушном настроении и решил угостить тебя понюшкой. Не так ли, Жан? – она игриво посмотрела на него.

Тот кивнул.

– А… можно мне отказаться? Я благодарю вас за столь высокое отношение ко мне и проявленную дружелюбность, но мне не нравится табак.

Жан лишь пожал плечами и, в свою очередь, повернул табакерку к Розе. Та, не теряясь, взяла щепотку и втянула в нос. Затем она наклонилась к уху Жана и стала что-то шептать ему. Воспользовавшись моментом, Рехан привлек внимание Клер.

– А почему мсье Жан назвал Розу Кларой? – тихо спросил он.

– Я все слышу, – сказала Роза, поворачиваясь к ним. – Мое имя от рождения Клара, или Клер, как тебе больше нравится. А Роза, вернее, «Красная Роза», это мое прозвище в кругах. Я не против имени Розы, так что как тебе будет угодно, так и называй.

– Понятно, – Рехан откинулся на спинку стула и вдруг заметил приближающимся к ним еще одного мужчину невысокого роста. Округлые щечки и мягкие черты лица притягивали к нему взгляд. Казалось, этот человек со слегка горделивой осанкой и походкой полностью уверен в себе и в своем будущем.

– Месье Леклерк, как я рад видеть вас в своем заведении! – воскликнул он, подходя. Они обменялись рукопожатием.

Роза и Клер, обернувшись на голос, ахнули в унисон.

– Дамы, – учтиво поклонился мужчина девушкам, – позвольте представиться. Прокопио де Бюссон. Сын легендарного создателя этого кафе месье Франческо Прокопио ди Кольтелли.

Клер покраснела, наверное, до кончиков волос, что не было, конечно, заметно под ее крохотным чепчиком, Роза же восторженно захлопала.

– Мэтр, как я рада тоже с вами познакомиться! – воскликнула она и вслед за ней некоторые люди, поднявшись с соседних столиков, тоже зааплодировали ему. Раскланявшись направо и налево, Прокопио вновь повернулся к ним. За это время Жан уже успел взять где-то стул и предложил ему сесть.

– Месье де Бюссон, это мой друг – месье Рене, – сказал Жан, – моя подруга Клара Лакомб и спутница Рене – мадемуазель…

– Клер Бастьен, – румянец продолжал в полную силу расцветать на щеках девушки.

– Очень, очень рад, – кивал Прокопио. – Как вам наше заведение?

И тут только до Рехана стало доходить, кто этот человек.

– Все замечательно! – восторженно заявила Роза.

– Я никогда не пил такого изумительного кофе, – добавил Рехан, – а ваше мороженое просто выше всяких похвал.

– Молодые люди, – с улыбкой сказал Прокопио, – в таком случае в честь нашего знакомства позвольте мне угостить вас утиной грудкой в медовом соусе, а в качестве напитков хочу предложить вам мусс гляссе с амаретто и сахарной глазурью. – И, не дожидаясь их ответа, он махнул рукой официанту и тот моментально скрылся из виду. – Я очень хорошо знаю и уважаю месье Леклерка, мадемуазель Лакомб, – продолжал он, – поэтому буду рад неоднократно видеть вас в нашей скромной кофейне.

– Вы очень щедры, месье, – заметил Рехан. – Я вправду никогда не ел такого вкуснющего мороженого!

– Я очень рад, молодой человек, что вас так покорило наше семейное искусство. А знаете ли вы, что на родине моего отца – Сицилии, да и в Италии, десерт из снега, смешанного с фруктовым соком, было самым лучшим угощением в благородных домах?

– Но снег и мороженое это ведь не одно и то же? – поинтересовалась Роза.

– Конечно, милая. Очень долго мы не могли понять, как заморозить смесь с молоком, ведь температура замерзания любой смеси будет тем меньше, чем выше концентрация чего-либо. Сахарный сироп, в отличие от воды, которая замерзает при нуле, будет замерзать при совершенно другой температуре.

– Наверное, вы добавляете соль, чтобы снизить температуру льда, чтобы убрать кристаллы, – сказал Рехан.

– О, молодой человек, вы так раскроете все наши секреты! – восхищенно глядя на него, воскликнул Прокопио. – Но, впрочем, вы правы. А откуда у вас такие глубокие познания?

Рехан замешкался, но ситуацию спасла Роза.

– Месье де Бюссон, я слышала, что в вашем, так называемом вами, скромном заведении, побывали не такие уж заурядные личности.

– О да, мадемуазель, – обрадовавшись смене темы, ответил Прокопио. – Среди наших гостей были Вольтер, Руссо, ваш общий друг Марат, Робеспьер. Даже представьте, во время своей премьеры «Женитьбы Фигаро» сам Бомарше мучился здесь в ожидании славы или погибели. А вот и ваши блюда! Открою вам маленькую тайну. Я еще раньше знал, что месье Жан будет сегодня у меня в гостях, поэтому с самого утра мы готовили для вас эти прекрасные блюда. Попробуйте, не пожалеете!

Поблагодарив хозяина от всей души, компания с воодушевлением принялась уплетать угощение, хотя совсем недавно всем казалось, что ничего в них больше не войдет. Еще немного поговорив ни о чем, насытившись ужином, наверное, на ближайшие дня три, они в итоге разошлись каждый по своим домам. Назад к дому Клер уже не летела как на крыльях, а неспешно передвигалась по еле освещенным улочкам. Рехан шел рядом, изредка поддерживая ее за локоть. Оба чувствовали себя сытыми как удавы и даже не хотелось ни о чем говорить.

– Мне очень понравилось это заведение, – наконец решил прервать молчание Рехан. – А кто такой этот – Жан…

– Жан-Теофил Леклерк? Он журналист, друг Розы и депутат от Конвента. Впрочем, еще он и не менее близкий друг Полины. По-честному, они обе крутят с ним. Но мне он не очень нравится, он такой фанатик по части революции! Он ярый поклонник Марата и у него очень склочный характер.

– Поэтому Роза так отреагировала на его приветствие?

– О да, ведь он редко бывает настолько дружелюбным. Тебя-то он вообще видит впервые. А кофейня Франческо мне тоже нравится, я была там всего второй раз в жизни! Так чудесно почувствовать себя порой богатой и благородной дамой. А сын, насколько я знаю, очень похож на своего отца, и он единственный, кто перенял его дело.

– А сколько у него детей?

– Тринадцать.

– Ничего себе, – присвистнул Рехан. – Но в эти времена, как я помню, детей действительно рождалось очень много.

– Это в основном по деревням, – пояснила Клер, – здесь, в городе, и так жить тяжело, а уж воспитывать, растить столько детей не под силу. Да и трудно им выжить. Знаешь, чем отличается крестьянский ребенок от дворянского? У первого нет и не будет права выбора. Он с детства, с самых пеленок будет носить только крестьянскую одежду. Подрастет чуть, и уже он полностью включается во все рабочие моменты своей жизни: как заработать, чтобы прожить, вернее, выжить, как заплатить налоги, как обеспечить будущее своим таким же детям и так далее и тому подобное. Обучение, посещение школ уже не для них, иначе семья на время потеряет кормильца. А у дворянских детей детство есть, все в рюшечках, игрушках, их любят и балуют.

– Да-а, – протянул Рехан, – сколько лет прошло, а ситуация мало чем изменилась.

– Ты хочешь сказать, что и в вашем веке такое разделение присутствует?

– Я думаю, что оно будет присутствовать всегда.

На некоторое время они снова замолчали, обдумывая каждый что-то свое.

– Ой, Рене, я так объелась! – когда до дома осталось совсем немного, снова заговорила Клер. – Но я и папе взяла с собой! Вот! – чуть отогнув карман платья, она показала небольшой сверток.

– Ты умница, – похвалил ее Рехан.

Эту ночь Рехан провел в доме Клер, уснув на жестком полу на небольшой циновке, которую постелила ему девушка. Отец Клер, мучившись бессонницей, в середине ночи поднялся и аккуратно, дабы не разбудить гостя, накрыл его куском меховой накидки. Рехан же уснул сразу, как только его голова коснулась импровизированной подушки, сделанной из сложенного

в несколько раз мешка. Постепенно он начал привыкать к здешним запахам, хотя в доме они чувствовались в значительно меньшей степени.

Наутро он проснулся от звона посуды внизу. Причесав руками волосы, он спустился вниз. По другую сторону от помещения, где работал отец Клер, находилось еще одна комната, в центре которой стоял прямоугольный стол с четырьмя табуретами рядом с ним.

– Доброе утро, месье Рене, – сказал отец Клер, приглашая рукой его к столу. Клер как раз разливала в железные миски суп.

– И вам доброго утра, – поприветствовал Рехан, присаживаясь. Девушка дала ему ломоть черного хлеба, миску, и тоже уселась за стол. – Нас так и не представили друг другу вчера. Мое имя вы знаете. А как вас зовут?

– Жермен, – глухо отозвался мужчина.

– Как тебе спалось? – спросила Клер.

– Хорошо. Спасибо.

– Ты хочешь пойти со мной сегодня к Розе? Там будет и Жак Ру. Познакомишься.

– Ты уверена, что ему надо с ним знакомиться? – спросил отец Клер. – Он известен не как самый порядочный человек.

– Папа, ты просто плохо его знаешь! – возразила девушка. – Если бы ты пообщался с ним, то изменил бы свое отношение к нему.

– Не знаю, не знаю, – пробурчал Жермен. – Это ваши дела. Я делаю свою работу и вполне доволен всем.

Позавтракав, Клер и Рехан вышли из дома.

– А Роза живет в центре Парижа? – поинтересовался Рехан.

– Нет, что ты. Она постоянно переезжает с места на место. Сейчас снимает маленькую комнатку на окраине. Она редко бывает дома, но сегодня мы застанем ее. Сегодня у нас встреча, Роза хотела обсудить дальнейшие действия.

– А кто такой Жак Ру? Почему твой отец так нехорошо отзывался о нем?

– Жак уже немолод. Он бывший священник. Роза немного даже побаивается его, он умеет внушить робость. Но он наша поддержка. В прошлом году, например, мы добились того, чтобы отказаться от христианского календаря, так что теперь у нас традиционные названия месяцев. Май – это флореаль, в честь цветов, июль – термидор из-за жары, ну и так далее. Казалось бы, пустяк, но для нас он важен. А я лично отношусь к месье Жаку с почтением. Он обычно немногословен, но в то же время строгий и полностью предан революции.

– Клер, я слышал, что у вас есть такой собор, Нотр-Дам, ты покажешь мне его? В нашей истории, в нашем времени он является символом столицы Парижа.

– О, Рене, конечно, покажу. Но ты только представь, этот жалкий якобинец Робеспьер с его приспешниками собираются снести его! Он заявил, что если мы не хотим, чтобы эта «твердыня мракобесия была снесена», то должны заплатить Конвенту! Плату! На нужды революций! Слыханное ли дело! «Эмблемы всех царств должны быть стерты с лица земли!» объявил он! Почти все колокола уже переплавили на пушки, снесли шпиль, скульптуры царей! И народу, которому и так трудно живется, еще надо платить дань этим злодеям! Ох, Рене, ты задеваешь такие больные струны в моем сердце!

– Но, – осторожно сказал Рехан, – судя по тому, что Нотр-Дам существует и по сей день, его не снесут.

– Значит, мы сможем собрать необходимую им мзду, – неожиданно остановившись, Клер вдруг в порыве обняла парня. – Как приятно слышать это. А Нотр-Дам тоже сейчас, кстати, переименован, теперь это Храм Разума. Но я постараюсь показать тебе его, он великолепен.

– И что еще вы переименовали?

Клер коротко рассмеялась.

– Ну, как тебе сказать. Знаешь такое заведение, как Сорбонна?

– Знаю, конечно, один из ведущих университетов в мире. Вернее, это ведь не один университет, в него входят тринадцать, независящих друг от друга институтов.

– Ну, такой информацией я не владею. Сорбонна была колледжем, сейчас она превратилась в фабрику. Поэтому провести тебя туда я не смогу, хотя тебе бы наверняка понравилось там побывать. Там ведь даже была часовня Святой Урсулы с гробницей кардинала, но в одно из восстаний ее разорили и надругались над головой Ришелье, да и над всем его телом.

– Какие же люди могут быть глупцы! – воскликнул Рехан.

– Люди как бараны, особенно когда собираются в стадо! – кивнула Клер. – Но, впрочем, не только Сорбонна пострадала. Многие колледжи сейчас закрыты и превратились либо в фабрики, либо в тюрьмы, либо в мастерские.

– А кто сейчас у вас король? Людовик шестнадцатый?

– Да что ты! Он был казнен еще где-то полгода назад! Теоретически королем является Людовик семнадцатый, монархия его признала, присягнула как своему королю, но ведь ему всего лишь восемь лет. А фактически правят якобинцы, они создали революционный трибунал. И они хотят превратить этого несчастного ребенка в санкюлота, чтобы использовать в своих целях. Я знаю, что его отобрали от матери и даже заставили свидетельствовать против нее. Люди говорят, что его бьют, не кормят, отдали в какую-то семью ремесленника. Они хотят заставить его отречься от матери, от своих родных. Мальчишка даже сознание теряет на нервной почве, у него очень тяжелое психологическое состояние.

– Какой кошмар! – прошептал Рехан. – И неужели ничего нельзя сделать?

– Вот мы и боремся с ними! – решительно заявила девушка. – О, я вспомнила, этого ремесленника зовут Антуан Симон. Ужасный человек, гадкий! То не кормит его, то кормит всякой гадостью, а вино заставляет его пить в огромных количествах. Волчонок, так прозвали его. Бедный, бедный мальчик. Ох, Рене, мы так стараемся, стараемся изо всех сил, но я не знаю, к чему в итоге приведет вся наша борьба. Ты знаешь, когда ты тогда исчез, я первые дни даже уснуть толком не могла, все думала о тебе. Размышляла, видела ли я тебя реально, или это было видение. Но я всегда верю своим глазам больше, чем слухам. Я все больше склонялась к тому, что ты сказал правду, я и сейчас верю тебе. Так к чему я все это говорю. Ты знаешь, так хочется сбежать порой с тобой туда, в твое далекое будущее, прочь от этих гнусностей и вражды.

Рехан ничего не ответил, лишь взял девушку за руку, продолжая дальше свой путь.

– А Людовику 16, ты можешь себе такое представить, еще сам его личный астролог предсказывал, что для него число двадцать один, неблагоприятное. И казнили его как раз двадцать первого января.

– Казнили на гильотине?

– Угу. А создал ее, угадай, кто?

– Клер, после всех ужасов, что ты мне нарассказывала, у меня мозги отказываются уже соображать.

– Мы более-менее привыкли жить в этом ужасе. Так вот, создал гильотину, конечно же, друг Робеспьера, врач Жозеф-Игнас Гильотен. Я ничего против него не имею, насколько я знаю, он, наоборот, хотел облегчить страдания тех, кто идет на эшафот, он даже вроде против смертной казни как таковой, но все-таки. Робеспьер и Марат – это два корня зла, которые надо просто выдернуть, убрать из нашего общества, такую смуту они делают. Но наши граждане странный народ. Если ты здесь задержишься подольше, то сможешь увидеть, как гильотина приобрела такую невиданную популярность, словно забава какая-то!

– Ты о чем? – не понял Рехан.

– О чем? – горько усмехнулась Клер. – Кондитеры выпекают печенье в виде гильотины, ювелиры выпускают брошки в виде миниатюрных гильотин, даже создали духи «Парфюм де гильотин»!

– Интересно, чем же они пахнут.

– Вот и я о том же! Храм Разума они создали. Наверное, наш век был обозначен веком безумия, а не разума.

– А ты тоже считаешь, что ваш король был достоин плахи?

– Людовик шестнадцатый был очень мягким человеком, Рене. Возможно, слишком нерешительным. Если он, а не влиявшие на него министры, и создавал какую-то реформу, то обычно редко доводил ее до конца. Своим вопросом ты, наверное, хотел еще уточнить, как я относилась к нему? Не знаю, наверное, как к очень слабому правителю. Он был честным, я бы даже сказала, простым человеком, не любил роскоши, даже довольно-таки сильно сократил придворные расходы, но все его финансовые реформы либо не работали, либо против них восставали, либо он, как я уже говорила, не доводил их до конца. Он постоянно колебался, то вставал на нашу сторону, сторону народа, то опять возвращался к своим министрам и придворным. Он даже решился на побег со своей семьей, что, конечно, не прибавило ему уважения в народе, но его очень быстро обнаружили и вернули. А дальше, дальше тюрьма, обвинение в заговоре против свободы нации. Ну, Рене, вот мы пришли. Заходим? – она легонько подтолкнула его к трем ступенькам, ведущем к двери небольшого трехэтажного дома, когда-то выкрашенным в белый цвет, а теперь ставшим грязно-серым.

Поднявшись на второй этаж, Клер открыла хлипкую дверь, и они вошли в действительно небольшую комнату, где уже находились знакомые Рехану Роза, ее друг Леклерк, а также средних лет мужчина с несколько грубоватыми чертами лица. Увидев вошедших, он не сказал ни слова, лишь взглянул на них и снова уткнулся в какие-то листы бумаги. Вероятно, в этой комнате Роза достаточно часто устраивала совещания, так как кроме крохотного стола в углу комнаты, стояло еще шесть стульев. Под убогой койкой в другом углу комнаты находился продолговатый железный сундук, там же рядом стоял горшок и валялась посуда. Небольшие два окна кое-как пропускали свет, хотя день обещал быть солнечным и солнце уже пыталось пробиться сквозь стекло.

Поздоровавшись и представившись друг другу, Роза села на один из стульев, и предложила гостям сделать то же самое.

– Я хотела начать с радостной вести, – произнесла Лакомб, – еще несколько женщин присоединились к нашему обществу. С каждым днем их становится все больше. Мы создали несколько малых групп, которые помогают этим женщинам научиться стрелять, владеть пикой, шпагой. Некоторые не склонны к насилию, поэтому они заняты пошивом обмундирования, или учатся оказанию медицинской помощи.

– Я слышал, в Дижоне девочки создали свой клуб, и одна из них прямо отличилась, – перебил ее Жан, – малютка Генриетта, которая сама еще ходит под стол пешком, взобралась на табурет и произнесла целую речь. Заявила, что сожалеет, что в силу своего возраста не в состоянии принять участие в борьбе, но обещает взамен плести лавровые венки для тех, кто защищает отечество.

– Да, – согласилась Роза, – женщины повсюду восстают, поют революционные песни, распространяют листовки, прокламации. Мы ведь тоже правоспособные, как и мужчины, не так ли, месье Ру?

Жак Ру лишь тяжело исподлобья посмотрел на нее, но ничего не сказал. Далее Роза продолжила распространяться на тему вечного женского гнета, о равенстве между классами, но Рехану уже было неинтересно слушать ее, он переключил свое внимание на этого замкнутого человека, весь вид которого напоминал пуританина. Было видно, что он краем уха слушает Лакомб и периодически вставляемые фразы Жана-Теофила, но все его мысли где-то в другом месте.

Воспользовавшись моментом, когда Роза отошла принести воды, так как более ничем не могла угостить своих гостей, Рехан пересел поближе к Жаку.

– А почему вы не участвуете в дискуссии?

– Мне заранее известно, о чем она будет говорить, – коротко ответил Жак. Тут он оторвался от листков бумаги и пристальнее взглянул на юношу. – А что вы здесь делаете, месье Рене? Мне кажется, вам не по пути с нами. Вы же выделяетесь на их фоне так, словно прибыли с Луны.

Рехан в растерянности почесал голову.

– Я готов помочь вам, – наконец сказал он. – Клер мне, правда, немного рассказывала о событиях в вашей стране, поэтому порой мне бывает трудно сориентироваться, в чем может быть моя помощь. Но я готов.

– Но ты ведь не отсюда, юноша, верно?

– Я оказался здесь случайно, – кивнул Рехан, – я ведь даже не знаю, с чего у вас все началось, почему люди восстали. Знаю, что король вел неверную политику, но ведь это наверняка лишь малая толика.

– Причины наших несчастий, наших бед, столь многочисленны, что я могу неделю разъяснять Вам, месье Рене.

– Но мне интересно вас послушать.

– Гм, – откашлялся Жак. – Тебе и впрямь хочется узнать? Что ж. Права народа безжалостно проданы королевскому двору, повсюду лицемеры, предатели, бесконечные интриги, они только и думают о том, как погубить нашу страну. Я прошу простить меня, но я буду говорить правду. Министры, жаждущие крови и богатства, прочие людишки, разбойники, занимающие высокие посты, все они избегают смертной казни, в то время как простолюдинов казнят чуть ли не толпами. Депутаты то слуги народа, то слуги двора, то говорят о своей патриотичности и любви к стране, то сами рвут ее на части, и ведь все их преступления остаются безнаказанными. Какие могут быть идеи равенства, свободы, когда объявлена война Австрии? Сколько людей должно в ней погибнуть, и ради чего? Ради жажды завоеваний? А скольким преследованиям подвергались истинные друзья народа? Наемные писаки оскорбляют мужество нашего народа, непрерывно его клевещут. Иностранные государства тратили колоссальные деньги, чтобы спасти Людовика 16 от эшафота, и ведь он смел вступать с ними в такую унизительную переписку. Я был там, когда его казнили, и я не отпустил ему грехов, увольте меня, слишком уж велика была тяжесть моего негодования. Ничто теперь не остановит наш ход свободы. Страна нашла своих защитников, и мы будем сражаться до последнего, чтобы расстроить самые гнусные планы наших изменников. Ты спрашиваешь, что побудило нас к мятежам? Один из ответов – это невежество. С каким успехом министерские пройдохи пользуются глупостью народа, погружают нас в разврат, страх и неуверенность в завтрашнем дне! Губительное влияние аристократических газет, листовок призывают к недисциплинированности, совершению злодеяний. И именно невежество простолюдина, эта полная анархия побудила нас, наконец, взяться за оружие. Короли, двор, все, кто скрывается под личиной благодетелей, все они до ужаса боятся признать равенство, опасаются принять декларацию наших прав, и чем они отвечают нам? Тем же оружием и кровью своего народа. Они отлично знают, что, если человек защищен принципами морали и закона, если он будет понимать свою человеческую природу, заниматься с удовольствием науками, и разные благотворительные учреждения придут ему на помощь в трудную минуту, он будет бороться против пороков, против тех, кто унижает его. Мы зажгли в сердцах людей огонь независимости, да будет народ добр и богат, и не порабощен предрассудками и лицемерием! Отечество и свобода – вот наш Бог! Народ надо просвещать, он всегда готов к восприятию истины. Только с осознанием собственного достоинства он разобьет свои оковы. Знаешь, юноша, революция породила удивительнейшее явление – это ярость, с которой наши враги пытаются погубить страну, довести ее до полного отчаянья и разорения! Спекуляция дошла до такой степени, что народ не в состоянии прокормить себя на родной земле. Как ужасно дойти до такого состояния, когда наше отечество

убивают не извне, а внутренние вампиры, выпивающие кровь несчастных по капле! Спасибо, Роза, – Жак взял предложенный стакан с водой и сделал глоток.

За время, пока он вел свой монолог, Роза уже успела сходить принести воды и теперь все их внимание переключилось на Жака, его так называемую беседу с Реханом. Хотя сам Рехан, положив ногу на ногу и опершись кулаком о щеку, с нескрываемым интересом слушал Ру, до сих пор не проронив ни слова.

– Я знаю, что декреты, реформы Людовика 16 были неудачными, – сказал Рехан.

– О, еще какими неудачными, молодой человек. Чего стоит один только его разрушительный декрет, допустивший продажу серебра и тем самым дискредитировавший бумажные деньги. Этот декрет позволил ростовщикам и спекулянтам возможность безнаказанно наживаться. Захвачены плоды трудов земледельцев, военные, магистраты завладели всеми отраслями торговли. И в то же время выдают патенты, разрешают вывозить продукты первой необходимости за границу, между тем как народ повально умирает от голода. Народ, который, казалось бы, живет на самых плодородных местах. Законы военного времени, вот на что ссылаются наши «благодетели». Как тебе такой искусный план угнетения? Эти анархисты нарушают наши самые священные права, вырывая у ремесленника хлеб, в котором он нуждается. Своей монополией они создали ужасающие, тягостные налоги. Враги у наших границ не так опасны, как они. Наши пушки всегда смогут дать отпор, но спекулянты под личиной братства объявляют войну нашим собственным гражданам. Одним росчерком пера король отправляет народ на смертные муки, и у вдов даже нет ткани, чтобы оплакать своих храбрых мужей. Рис, хлеб, ткани на вес золота! И как после этого эти трусливые тираны могут утверждать, что они любят и заботятся о своем отечестве? Даже во время господства всяких там Ришелье и Неронов, они бы постыдились подобного расточительства и жестокости. Вот по какой такой причине народ голодает, в то время как последний урожай дал столько хлеба, что хватило бы на три года? По какой такой причине те подачки, что швыряют народу чиновники такого качества, что не станет есть даже собака, а цена на него завышена в два-три раза? Они говорят, что причина – война. Но, простите, и при Людовике 14 народу пришлось бороться против шайки королей, однако спекуляция не поглотила страну, не бросила ее в пропасть нужды и разорения. Но нас ничто не способно поколебать, пусть даже сама природа восстанет, чтобы нас погубить. Вы вооружимся мужеством и предадим суду врагов отечества. Закончилось время молчать, спать и притворяться, мы будем безжалостно уничтожать тех, кто так развращает общественное мнение, этих проповедников королевской власти, тем, кому так по душе жестокие игры! Их изнеженной, праздной жизни придет конец, а народ будет отомщен за все заговоры и свое унижение.

– Браво, Жак, браво, – похлопал Леклерк. – Я очень извиняюсь, но нам с Кларой нужно оставить вас на некоторое время, – и с этими словами, раскланявшись, Жан взял Розу под руку, и они покинули дом.

– Жан очень подвижный, умный юноша, – заметил Жак Ру, – но он бывает нарочито груб и самоуверен, а я не люблю таких качеств. Впрочем, мы редко пересекаемся с ним. Кстати, месье Рене, вы кажетесь мне достаточно благоразумным молодым человеком. Что вы делаете здесь, я не знаю, и, конечно, никогда не узнаю, но могу я попросить вас об одном одолжении?

– Я с радостью помогу вам! – воскликнул Рехан и мельком посмотрел на Клер. Та кивнула.

– Я бы хотел попросить вас отнести письмо Марату. Он живет по соседству с кафе Прокоп, где вы были.

– Правда? Я с удовольствием выполню вашу просьбу!

– Вы так горите желанием встретиться с этим человеком? – не понял радости Рехана Жак. – Как бы то ни было, я буду очень признателен за вашу помощь.

– Мне действительно интересно увидеть его, – признался Рехан. – Я слышал, он очень популярная фигура…

– Фигура огромного масштаба, – резко перебил его Жак, – ни много, ни мало провозгласивший себя «другом народа». И газету свою назвал также.

– Мне кажется, вы обижены чем-то на него.

– Есть такое. Рене, позволь, я буду говорить с тобой на ты, так как ты стал ближе мне по духу. В своем письме я много что высказываю ему, ведь Марат приписал мне много всего, что опорочило мое имя в кругах. А ведь когда-то он сам искал со мной знакомства. Чуть больше года назад он прислал ко мне скульптора, который пригласил меня на встречу с ним. Он жил тогда у трех сестер Геврар на улице Сент-Оноре. Я отправился к нему, и он принял меня по-братски. Тогда он дал мне письмо в клуб кордельеров с тем, чтобы подтвердить, что он действительно является автором газеты «Друг народа», и даже предложил мне подписаться на последующие его издания. Я передал Робеспьеру и Шабо письма, в которых, помимо названной цели, была и задача заинтересовать якобинцев в распространении его публикаций. Спустя несколько дней он попросил у меня убежища на пару дней. Я принял его, как с удовольствием принял и всех, кто приходил тогда к нему. Но, вместо двух дней, я практически неделю выступил не только как гостеприимный хозяин, но и как его слуга. Шесть ночей я спал на досках, я один готовил им стряпню, я даже выносил за него горшки. Словом, он нуждался во мне, и я готов был оказать ему всю посильную помощь. И что же? В награду он оставил мне на камине пятнадцать ливров, и к тому же оклеветал меня. Я думал, что служу общественному делу, а его деньги оскорбили меня, даже если бы он заплатил мне в десятки раз больше, я бы не принял их, но он посчитал меня одним из своих лакеев. Я подарил ему гостеприимство, а он злоупотребил им. Его последующие клевещущие заявления привели меня в ужас. Он начал говорить, что я не признаю религию, что, тем не менее, сделав ее своей профессией, я утверждаю, что она насквозь пропитана ложью, и что лучше меня никто не сумеет разыграть комедию святости! Я же помню, что он непрестанно говорил со мной только о своих произведениях, о своих бесчисленных талантах и бедах. Да, я говорил нелицеприятные вещи, но только об аббате Фише, которого считаю лицемером и даже сообщил ему о том, что когда-нибудь я мечтаю отказаться от своего сана, хочу жениться, завести добропорядочную семью, открыть типографию. А Марат на всех углах разглагольствовал и в своей газетенке продолжал писать, что это я пустился на самые крайние меры, только лишь, чтобы побольше поднять шума в революционном движении! А кто же тогда, как не он писал, что нужно воздвигнуть восемьсот виселиц для депутатов Учредительного Собрания, рубить головы всем жирондистам, роялистам, да и всем противникам нового режима? Но Конвент нуждается в таких неистовых ораторах, как Жан Поль Марат. Он, Робеспьер и Дантон сейчас возглавляют свой политический клуб, «Общество друзей Конституции». О, как он непоследователен! Ведь, обвиняя меня во всевозможных злодеяниях, одно только его имя внушает ужас всей Европе! Да, я был на время освобожден от своей должности, но вовсе не потому, что приписывает мне Марат. Я был замешан в одной неприятной истории в семинарии, где я преподавал философию. Начальник семинарии очень плохо относился к учащимся. С уважением и почтением он относился только к дворянам и каноникам, и тогда несколько молодых людей, учащихся, решили проучить его за это. На протяжении трех месяцев они разбивали окна такими большими камнями, что повредили сами рамы, даже полицейские ничего не могли поделать с ними. Тогда однажды месье Ансель, повар этой семинарии, отправился сторожить с заряженным ружьем, чтобы прогнать этих распутников. Они проникли незаметно, сквозь дыру в ограде и, когда начали вновь бросать камни, он выстрелил и попал в одного из них. На следующий день юноша умер, и полиция арестовала начальника семинарии и главного управляющего. Я жил при семинарии и в результате тоже попал под арест, лишился сана, но через полтора месяца был восстановлен в своих правах по постановлению парламента.

– То есть сейчас вы действующий священник? – уточнил Рехан, когда Жак снова взял стакан с водой, чтобы промочить горло.

– Нет, сын мой. По состоянию здоровья мне пришлось покинуть сей пост, хотя после ареста я еще некоторое время проработал там, читая экспериментальную физику. Свою епархию я оставил с прекрасной, безупречной аттестацией, что бы ни говорили про меня люди. Марат забывается, уличая меня в беспутном поведении и подстрекательстве народа. В том старом режиме, когда я работал, епископы, викарии были беспощадны ко всем лицам духовного звания, которого могли уличить в беспутности. В таком случае как я мог занимать должность викария и священника в двух смежных епархиях? И я не получил бы таких положительных и одобрительных аттестаций. Да, я всегда придерживаюсь очень строгих принципов, и со времени начала Революции я создал вокруг себя много врагов. С тех пор, как я вел Людовика шестнадцатого на эшафот, с тех пор, как я объявил непримиримую борьбу со скупщиками и спекулянтами, у меня масса недоброжелателей, которые мечтают только об одном – моей смерти. Дворяне, некоторые священники, роялисты, интриганы, банкиры, так называемые «друзья народа» осыпают меня оскорблениями и клеветой так часто, как ложе прекрасной дамы цветами роз. Но я не вступаю в сделки с мошенниками, я истинно уверен, моя душа чиста. А Марат не в состоянии назвать даже имена тех лиц, события которых он приводит в своих газетах против меня. Например, он обвиняет меня в подстрекательстве народа в Конаке, но в своем письме я очень четко изложил ему все факты, которые объяснят ему, что я не был причастен к этому делу.

– А что было за дело? – спросила Клер. Также, как и Рехан, она сидела и слушала, стараясь даже не дышать. Она привыкла видеть месье Жака больше молчаливым, а если и говорящим, то мало. Сегодня же он открылся ей в новом виде, которого она не знала.

– Это было три года назад, в 1790 году, в ту пору я служил викарием в Конаке. В моем приходе было поле с десятью тысячами моргов, свободное от всякой феодальной повинности. Но жители хотели, чтобы земля была обложена, и тогда господин Мартен, фермер герцога Ришелье, и некоторые другие его приспешники выступили против этого акта. Тогда господин Дюпати де Белогард, отнюдь не лишенный мужества, совершил покушение на мэра и застрелил его. Люди стали преследовать убийцу, но, не найдя, разорили его владения. И, моя милая Клер, я вовсе не принимал ни малейшего участия в этом дебоше. Прошло уже две недели к этому событию, как я ушел из этого прихода, и служил в другом. Если бы я имел место быть там, то был бы арестован. Марат также бессовестно лжет, говоря о том, что я был с позором изгнан из многих домов, где был учителем, но я никогда не преподавал ни в одном частном доме. Да, некоторые родители моих учеников при семинарии с почетом принимали меня у себя дома, даже несмотря на то, что некоторых из их отпрысков я исключал из обучения в своем классе. Я никогда не потакал им, не льстил, мне приходилось говорить неприятные истины, но если они неспособны, зачем такие трудности? Но я никогда не преподавал отдельно, индивидуально с кем-то. Марат утверждает, что также в городе Сент я посеял раздор во всех семействах, но я также могу утверждать, и не без пустых оснований, а со свидетельствами, что я никогда не занимал никакую должность при этом городе, был там считанное число раз, и каждый раз не оставался там более чем на день. Даже не на сутки, а на день. Я не знаю, может быть, он считает меня своим соперником, этаким Маленьким Маратом, каковым меня прозвали, но я категорически не согласен с этим заявлением! Быть может, мое письмо покажется Марату слишком жестким, но я не согласен больше безропотно терпеть его незаслуженные оскорбления. Впрочем, в тот день, в тот час, когда я посвятил себе борьбе, я знал и предвидел в качестве платы людскую недоброжелательность, мои гонения, всевозможные преследования. Но я всегда буду говорить правду, не льстя законодателям, и не прикрывать ничьи преступления. Я написал Марату, что для совершения революций всегда будут пользоваться людьми с сильным, отчаянным характером, а когда в них больше не будут нуждаться, разобьют как стакан, – с этими сло-

вами, допив остаток воды, Жак без сожаления расколол стакан, швырнув его на пол. – Марат чувствует себя непотопляемым, что ж, он в большом заблуждении. Я поддерживал его борьбу, а теперь он объявил мне войну.

Тяжело вздохнув, он обвел глазами присутствующих.

– Так ты все еще хочешь выполнить мою просьбу? – спросил Жак.

– Нисколько не колеблясь! – ответил Рехан.

Достав из-за пазухи желтоватый плотный конверт, Жак передал его.

– Ты найдешь, где он живет?

– Я покажу ему, – сказала Клер.

– Что ж, в таком случае я хочу пожелать тебе удачи, сынок. Я очень рад, что мне удалось познакомиться с тобой. – Он протянул руку Рехану и скрепил ее твердым рукопожатием.

– Мне тоже, месье Ру, – Рехан на секунду вспомнил, что французы не любят сильных рукопожатий, но от такого человека, как Жак, он не мог ожидать иного.

Возвращаясь назад, Клер чуть ли не прыгала от восторга.

– О, Рене, каким-то чудесным образом ты так понравился месье Ру! Ты произвел на него очень большое впечатление!

– И он на меня тоже, – согласился Рехан. – Весомая фигура. Не знаю, какое у меня будет мнение о Марате, но Жак Ру – это кремень.

– Ты когда хотел пойти к нему? – спросила Клер.

– Готов хоть сейчас, или у тебя есть дела?

– Нет, Роза убежала с Жаном, поэтому я свободна. Сегодня такой чудесный день, давай пройдемся.

– С удовольствием, – развернувшись в сторону центра, они пошли по широкой мощеной дороге к дому Марата.

Рехан уже немного начал ориентироваться в улицах и, когда они проходили по очередной улочке, он чуть убыстрил шаг, зная, что за углом его ждут восхитительные ароматы парфюма. И снова, как в тот раз, он остановился на несколько минут, наслаждаясь запахами.

– Рене, ты, кстати, говорил, что у вас есть разделение духов на женские и мужские. Я не сразу сообразила, но разделение у нас тоже есть, но не потому признаку, что у вас.

– А как у вас?

– По социальному признаку. Духи подчеркивают принадлежность человека к тому или иному классу, социальной прослойке. У нас я бы сказала, три вида духов: королевские духи, для буржуа и духи для бедных. И для последних они изготовлены всего лишь из сажи и масла.

– Из сажи и масла? – поразился Рехан. – Но для чего?

– Для дезинфицирования воздуха.

– Бред какой-то… Послушай, Клер, – продолжая путь, спросил Рехан, – а почему бы твоему отцу не использовать духи для своих кож? Наверняка они будут пользоваться бОльшей популярностью. Ведь он мог бы и не только просто выделывать шкуры, кожи, но и создавать сумки, кошельки для дам.

– А что, это идея, Рене! Я обязательно скажу отцу об этом! Или, быть может, ты ему предложишь? От тебя, мне кажется, он воспримет эту информацию более конструктивно.

– Хорошо.

– Рене, ты уже немного знаешь о нашем городе, стране, а я бы хотела узнать о твоем времени. Даже если быть откровенной, я хотела бы узнать сначала о нашей стране, что с ней в твоем времени. А уж потом и все-все-все остальное.

– Но я никогда не бывал в вашей стране, – несколько смущенно ответил Рехан.

– А-а, – немного разочарованно проговорила Клер.

– Хотя, стой, я смогу рассказать тебе!

– Правда? Но как? – глаза девушки заблестели от предвкушения.

– Вернувшись домой, я имею в виду, когда я переместился назад, я же пребывал тоже в некотором замешательстве от того, что, казалось бы, я мало интересовался историей Франции, этой страной, и в то же время мне повезло попасть сюда, в это время. И когда прошел первоначальный шок, я первым делом открыл ноутбук и стал читать про Париж, каким он был тогда, какой он сейчас.

– Подожди, Рене, ты открыл книгу? – переспросила Клер.

– Нет! У нас есть такие вещи… словом, представь себе тоненькую книгу, и когда ты раскрываешь ее, ты видишь экран, на котором можно писать, считать, читать, рисовать, словом, практически все, что только можно.

– А чем там можно писать?

– М-м. Когда эта книжка, этот ноутбук раскрыт, в верхней части у нее экран, а снизу буквы, весь алфавит, который называется клавиатура. Я нарисую тебе, если хочешь.

– У меня нет бумаги.

– Я найду способ показать тебе. Так вот, слушай дальше. С ноутбука я могу выйти в интернет. Там есть все! Абсолютно все! Предвидя твой очередной вопрос, скажу, что интернет, это сеть, или по-другому, система объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации. Все, что когда-либо было кем-то написано, можно найти там. Я имею в виду, все, что когда-либо помещенное в Сеть через ноутбук, компьютер, телефон.

– Хорошо объяснил, доступно, – скептически ответила Клер и перепрыгнула через сточную канаву, которая была уже настолько переполненная, что вот-вот грозила выйти из своих берегов и превратиться в небольшую речку.

– А ты пока не вникай в подробности.

– Ну, хорошо. Только у меня к тебе единственная просьба. Если там все также плохо, как сейчас, я лучше не буду слушать.

– Нет, Клер! Париж сейчас – это одна из самых красивейших столиц мира! В скором времени вы найдете способ избавиться от всей этой вони и грязи, будет проведена канализация, и все улицы очистятся! Клер, Париж ежегодно будут посещать более сорока миллионов туристов! Это путешественники, по-вашему.

– Ох, ты лжешь! – девушка всплеснула руками.

– Вовсе нет, мадемуазель, – чуть забежав вперед, Рехан немного неуклюже и смеясь попытался сделать реверанс. – Символом вашей столицы будет Эйфелева башня. Пока ее еще нет даже в проекте, но создаст ее Густав Эйфель, первоначально планировавший, чтобы она служила входной аркой на Всемирной выставке в… м-м-м, не помню, в каком году.

– У нас много башен, – заметила Клер, – почему же именно эта заслужила право быть символом?

– Это металлическая конструкция высотой в триста метров, ее посещают миллионы туристов, там есть этажи, на которые можно подняться на лифте, ресторан на первом уровне и… ты только представь себе, каждые семь лет на покраску башни уходит пятьдесят семь тонн краски. Тонн, Клер!

– Ты убиваешь меня! – засмеялась она. – Я думала, что выше Нотр-Дама ничего нет.

– Собор Нотр-Дам-де-Пари тоже самый известный готический храм в мире. Ведь он считается центром города, от него измеряются все расстояния.

– Да, я что-то слышала об этом.

– Так, про автомобили я тебе уже говорил. Кареты, лошади практически исчезнут, редко можно будет увидеть их. У вас здесь неподалеку есть деревушка Шайо, на холме.

– Холм Шайо, – задумчиво произнесла Клер, – но там все заболочено…

– На этом месте будут созданы аллеи с вязами, заканчивающиеся круглой площадью.

– Да, вроде там ведутся какие-то работы, но я крайне редко бываю так далеко…

– Эту площадь назовут Площадью Звезды, – продолжал Рехан, – а чуть позже Площадью Шарля де Голля. Так я к чему это. Представь на минутку, Клер, что ваши экипажи, кареты, это наши современные автомобили, и это самое ужасное место в Париже для того, кто управляет этой штуковиной.

– Почему?

– Почему? Вообрази, площадь, диаметром в сто двадцать метров, на нее выходят двенадцать проспектов, и нет ни одного светофора, ни одного регулировщика, который бы контролировал движение! Каждый едет как может и как хочет!

– Но они с легкостью разъедутся! – не поняла Клер.

– Да, когда их максимум… пять, ну, десять. А если их больше в десятки раз? Это все равно, что пытаться регулировать бешеную толпу, причем, как если бы каждый стремился в свою сторону.

– А-а, поняла, – кивнула она.

– Еще у вас есть Площадь Революции…

– Конечно, – сразу же перебила его девушка, – на ней и установлена гильотина, где, кстати, был казнен Людовик шестнадцатый. Неужели она до сих пор сохранилась?!

– Гильотина, конечно же, нет. В подарок от египетского короля Мехмет Али ваш король получит обелиск, выполненный из розового гранита, с нанесенными по периметру иероглифами, возраст которых исчисляется свыше трех тысяч лет, и она будет установлена на этой площади. Вес этого обелиска двести тонн, и понадобится целых два года, чтобы доставить его. Также рядом с обелиском будут установлены два фонтана, а по всем восьми углам площади статуи в античном стиле, которые будут символизировать восемь важнейших городов Франции. На тротуаре будут изображены римские цифры, которые по сути представляют из себя солнечные часы, а тень от обелиска покажет точное время.

По-прежнему будут существовать много кофеен, ресторанов. Так много, что по подсчетам статистиков, понадобится почти тридцать лет, чтобы отобедать в каждом из них, и это только в Париже! И причем бутылка хорошего красного вина будет стоить дешевле, чем чашечка кофе!

– Какие забавные вещи ты говоришь. Рене, как бы я хотела, чтобы ты взял меня с собой. В свое время.

– Если бы я сам мог разобраться в своих путешествиях, я без всякий сомнений взял бы тебя с собой, но пока… увы.

– Я понимаю. Рене, вот мы и пришли. Это дом, где живет Марат. Ты знаешь, я не буду заходить туда, подожду тебя в кафе «Прокоп», он здесь, за углом. Я посижу там, может, закажу чашечку кофе или мороженого, может, просто послушаю, о чем говорят, в любом случае ты найдешь меня там. Договорились?

– Конечно, – распрощавшись на время, Рехан зашел в дом и вскоре нашел квартиру, где проживал Марат. Дверь ему открыла молодая женщина лет двадцати пяти с несколько настороженным взглядом сероватых глаз.

– Добрый день, мадам, могу ли я видеть месье Жан Поль Марата? У меня для него письмо.

Оглядев его с ног до головы, женщина скорее всего затворила бы перед ним дверь, но тут из глубины квартиры донесся мужской голос.

– Подождите, – притворив дверь, женщина отошла вглубь и Рехан услышал, как они о чем-то оживленно начали спорить. Спустя минуту дверь снова отворилась и с не очень одобрительным видом женщина впустила его внутрь. Несмотря на открытое настежь окно Рехана автоматически передернуло от царившего там зловонного запаха. Но, несмотря на это, Марат лежал в кровати, застланной чистым бельем в белоснежной рубахе. Рядом стоял письменный стол с аккуратно разложенными на нем различными бумагами и газетами.

– Симона, ты можешь идти, – махнул рукой Марат. – Что за письмо ты принес? – он протянул руку Рехану и тот едва сдержался, чтобы не отшатнуться. Вся его рука была покрыта сыпью и язвами, впрочем, не только рука, все тело.

– Добрый день, месье, – юноша замер, ожидая обратного отклика от хозяина дома.

– Добрый, добрый. Я имею честь знать вас? – Рехан буквально чувствовал, как испытующий взгляд Марата скользит по его одежде, столь чуждой для их времени, по его волосам и чуть смуглой кожи и, наконец, остановившийся на деревянных башмаках. – Гм, – сказал он, почесывая руку и шею. – Даже не знаю, что предположить о вас, юноша. Аристократ у меня в гостях? Но ваши сабо! – он презрительно сощурил глаза.

– У меня для вас письмо от месье Жака Ру.

– О! – воскликнул Марат, привставая с кровати. – Он послал мне с посыльным письмо?! Что еще понадобилось ему от меня?

Рехан усмехнулся. «Уж кто-кто, а ты точно пиявка на груди у других», подумал он.

– Я не знаю, он попросил меня передать вам письмо. Я принес его. – Он вытащил конверт и положил его на стол. Только Рехан намеревался откланяться, как Марат остановил его.

– Послушай, ты ведь не француз? – заявил он. – Иностранец? Италия?

Рехан покачал головой.

– Англия? Германия? Испания? Голландия?

– Испания, – коротко ответил Рехан.

– О, я легко владею испанским, английским, голландским, итальянским и немецким языками! – воскликнул Марат. – Может быть, тебе будет удобнее общаться на своем родном языке?

– Нет-нет! Я вполне понимаю вас и по-французски. Не затрудняйте себя. А как вам удалось выучить столько языков? – Рехан понимал, что своим вопросом он, с одной стороны, пытается продолжить беседу, получше узнать этого некрасивого с виду человека, глаза которого горели просто маниакальным огнем, а с другой стороны, был бы не против и покинуть эту квартиру. Но желание увидеть и пообщаться с такой фигурой прошлого пересиливало. Что касается Марата, то он, скорее всего, был натурой, благосклонной к лести, потому что весь просто оживился и даже попытался сесть на кровати, приняв более удобную позу.

– К сожалению, не могу тебя принять в более комфортной обстановке, – сказал Марат, накидывая на себя легкое покрывало, – но, как видишь, я болен. И если я не нахожусь в постели, то пребываю в ванной. Она на время облегчает мои боли и зуд, – с этими словами он вновь стал почесываться, теперь в разных местах. Рехан, глубоко вдохнув и выдохнув, отвернулся.

– Я рано потерял своих родителей, – тем временем продолжал Марат, – но, несмотря на это обстоятельство, принял решение отправиться в Европу. Там мне и удалось изучить все эти языки.

– Так вы родились не во Франции? – уточнил Рехан.

Марат, как ему показалось на мгновение, был ошеломлен подобным вопросом.

– Я родился в Швейцарии, – наконец произнес он, – потом уже приехал во Францию. О, какое это было чудесное время! Я изучал философию, химию, физику, литературу, историю, преподавал! Но деньги меня не интересовали, месье… Как, кстати, тебя зовут?

– Я могу присесть? – Рехан указал на стул.

– Да, конечно.

– Меня зовут Рене.

– Так вот, Рене, деньги меня вовсе не интересовали! Я хотел свершить выдающиеся открытия! Мой ум, гений нашел себя в медицине! Я приобрел огромный, богатейший опыт, работая в больницах и тюрьмах, даже выпустил брошюру по лечению венерических заболеваний!

– Вы учились где-то?

– Конечно, юноша! Я получал образование в Тулузе, Бордо, Париже, Англии и Голландии. Вы также можете прочитать мои произведения, когда я был увлечен философией. Это антимонархический трактат «Цепи рабства» и мой трехтомник «Философские исследования о взаимоотношении тела и духа». Меня не остановила даже рецензия этого старика Вольтера, который имел наглость очень язвительно и желчно отозваться о моих трудах! Невежа, умеющий только строчить глупые и абсурдные пасквили! С Ньютоном они мало чем отличаются друг от друга!

– А при чем здесь Ньютон? – не понял Рехан.

– За что ему такая мировая слава? Я с не меньшим упорством изучал науку! Авторитеты! Они считают, что в своих книгах я резко нападаю на них, обвиняют меня в моей страстности и ожесточенности! Как они глупы и слепы к тем, кто действительно этого достоин! К твоему сведению, Рене, я был удостоен звания почетного гражданина в Ньюкасле, поскольку очень успешно боролся с холерой, этой страшной инфекцией. А в Эдинбургском университете, где я преподавал французский язык, я был награжден дипломом почетного доктора медицины! Но я не хотел останавливаться на достигнутом! Меня манил Париж, город обширных возможностей! И я приехал сюда. Мне удалось получить здесь место врача в гвардейском корпусе самого принца Конде! Но и на этом не закончились мои успехи! Благодаря прелестнейшей маркизе Лобеспан я получил должность, официальную должность врача лейб-гвардии графа д'Артуа, младшего брата короля. Таким образом я стал придворным лекарем с приличным окладом. – Марат на некоторое время полузакрыл глаза, очевидно, вспоминая с улыбкой те времена.

– Вы, видать, покорили сердце этой прелестницы, – сказал Рехан.

– О да, Рене! Мне удалось вылечить ее от неизлечимой, как пророчили ей все врачи, болезни. Туберкулеза! И эта самая прекрасная женщина на свете даже была моей любовницей!

«О Боже», подумал Рехан, «красавица и чудовище».

– Но мой ум не был удовлетворен до конца моими изысканиями в области медицины! Все это шарлатанство, недостойное меня. Тогда я обустроил лабораторию, когда жил на улице Бургонь, где смог вволю экспериментировать в таких областях, как физика и химия! Я изучал свойства огня, света, электричества. Электротерапия, вот что интересовало меня! Я работал и экспериментировал, не покладая рук! Я питался только хлебом и водой, все свои средства и сбережения кладя на алтарь науки! Я перестал выходить в общество, оставил свою врачебную практику, потеряв тем самым много своих пациентов. Даже маркиза Лобеспан оставила меня, но это была моя жертва, я жертвовал собой, своим временем и потребностями. В своих исследованиях в электрофизиологии я пытался определить электропроводность продуктов разных компонентов человеческого организма, и не только. Моя работа «Открытия об огне, электричестве и свете» и последующий за тем труд «Физические исследования огня» дали мне пропуск в большую науку, позволили добиться признания Парижской академии наук! Я пытался усовершенствовать технику электролечения. О, сколько многообразных опытов я провел, ведя непрерывные, систематические записи, сопоставляя разные техники, отрабатывал дозировку в зависимости от заболевания! Я считаю, что не замедлил описать в другом моем труде «Мемуар о лечебном электричестве», что при электротерапии отличный лечебный эффект дает шоковый метод, причем длительность сеанса не должна превышать двадцати минут. Я утверждаю, что наивысшей способностью распространять электрический флюид обладает желчь, моча, кровь, причем лучше артериальная, чем венозная, лимфа. Огонь, это ведь элементарная материя, ты понимаешь, юноша, о чем я говорю? Она находится в каждом теле в необходимом запасе до тех пор, пока вследствие движения этой материи, подчиняющейся всемирному закону тяготения, теплота не проявит себя. А охлаждение – это ничто иное, как уменьшение движения огненной материи, поскольку только ее движение, а не само нахождение в теле вызывает тепло и пламя. Если холодное тело приложить к горячему, то из последнего тепло будет отниматься и переходить к первому, холодному телу до тех пор,

пока они не приобретут одинаковый градус. А мое утверждение о том, что в солнечных лучах не содержится «огненной материи или другой эманации, нагревают же они тела тем, что приводят в движение содержащийся в телах огненный флюид» получило одобрение целого ряда ученых. Профессора из Стокгольма и Лейпцига приезжали ко мне, чтобы ознакомиться с моими экспериментами. Правда, мы не нашли общего языка с посетившим меня Алессандро Вольта. Он находился здесь на стажировке в Парижской академии наук и…в общем, я выгнал его. Он посмел критиковать мои опыты, мои работы по электричеству! Да что там! Разгромил меня своими вердиктами! Сноб и невежа, такой же, как в этой Академии наук, не видят дальше своего носа ничего! Лавуазье, Вольта, авторы «научных романов», вот они кто, а не ученые. Они полагают, что я слишком упрощенно подхожу к природным явлениям, обвиняют меня и в плагиате. В моем памфлете «Современные шарлатаны, или Письма об академическом шарлатанстве» я обличаю их! Вот, послушай, я помню каждую строку из моего произведения! «Мания строить системы равно овладела всеми учеными, но она не одинаково реализуется у химиков и физиков. В то время как последние стремятся свести к одному фактору все феномены природы, первые умножают число этих факторов до бесконечности; они принимают за простые тела результаты разложения составного, и так как эти результаты различны в зависимости от веществ, которые их дают, они представляют их различными элементами. До какого огромного числа они довели кислоты, и какого огромного числа достигли у них воздухообразные газы!» А Талейран, рядовой депутатишка из Учредительного собрания, предложил упорядочить французские метрические меры. Рене, ты следишь за моими мыслями? Продажные они все! О, какой блестящий метод! Какое грандиозное и чудесное открытие! Но как ты думаешь, откуда пришло это выдающееся открытие? От египтян! Аристократы, как я ненавижу их! Купаются в роскоши, когда народ умирает от голода, чудовищная инфляция царит в нашей стране! Я являюсь «другом народа», как ты, наверное, знаешь, мой дорогой гость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.